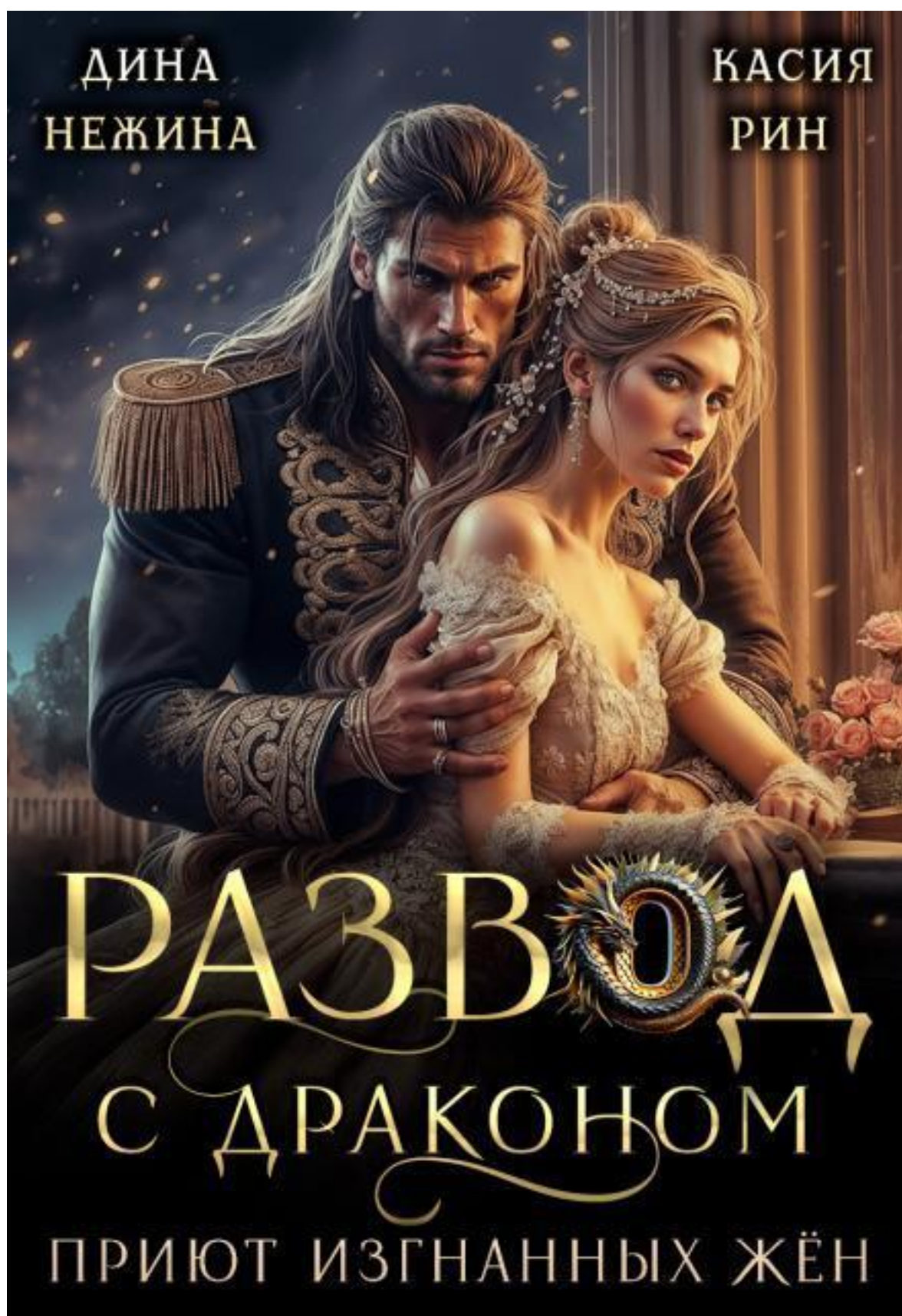

ДИНА
НЕЖИНА

КАСИЯ
РИН

РАЗВОД
С ДРАКОНОМ
ПРИЮТ ИЗГНАННЫХ ЖЁН

Дина Нежина

**Развод с драконом.
Приют изгнанных жён**

«Литнет»

2025

Нежина Д.

Развод с драконом. Приют изгнанных жён / Д. Нежина —
«Литнет», 2025

Я была женой дракона пару часов, потом он выгнал меня, отправил в приют для бывших жён. Здесь я бы и сгинула - среди таких же брошенных, ненужных и всеми забытых женщин. Однако сдаваться я не привыкла. Возьму всё в свои руки и обустрою приют для изгнанных жён так, что он станет райским уголком! А дракону что опять от меня надо? Книга выходит в рамках литмоба «В разводе с драконом». Читай другие истории тут

© Нежина Д., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Визуалы	10
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5.	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8.	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	36
Глава 16	38
Глава 17	40
Глава 18	42
Глава 19	45
Глава 20	47
Глава 21	50
Глава 22	52
Глава 23	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Глава 1

— Леди Камелия, что же вы? Вставайте! — рядом слышу незнакомый взволнованный голос молодой девушки.

Наверное, скорая? Точно! Ведь я с лестницы упала, стукнулась головой. Но почему леди Камелия?

От её звонкого голоса голову простреливает яростной болью, но я с трудом заставляю себя открыть глаза.

— Может господин ещё передумает и не будет с вами разводиться, — щебечет девушка совсем непонятные вещи, но мне не до них вовсе.

Я лежу на лестнице, явно ударившись головой и блуждающим взглядом пытаюсь оценить обстановку.

Этого точно не может быть. Я недавно переехала в новый дом, конечно, но не помню, чтобы он был королевских масштабов.

— Что? — лишь переспрашиваю у незнакомки в чёрном платье и белом чепце.

— Ваш муж, герцог Артур Грэйхем, может ещё передумает разводиться. И вам не придётся ехать в этот приют.

— Решение уже принято, — низкий бархатный голос раскатывается по всему пространству вокруг меня, властно занимая его и заставляя всё внутри инстинктивно сжаться.

Какая мощь, даже дыхание перехватывает от одной лишь этой фразы. Я вижу, как девушка передо мной тут же белеет, меняется в лице и опустив взгляд в пол приседает в подобии глубокого реверанса.

— Господин, я, простите... После новости о разводе леди Камелия потеряла сознание и стукнулась головой. Я хотела её утешить.

— Если леди Грэйхем нуждается в лекаре, от чего ты его до сих пор не позвала? Или тебе уже не нужна эта работа? Она всё ещё моя жена, пусть формально ей осталось таковой быть всего два часа.

Я ничего не понимаю, но чувствую, что-то нужно делать.

Игнорируя боль и лёгкое головокружение я всё-таки поднимаюсь и развернувшись, встречаюсь взглядом с мужчиной, который судя по всему является пока ещё моим мужем.

Замираю под тяжестью его сурового взгляда, но не собираюсь перед ним кланяться.

— Со мной всё хорошо, пока ещё муж. Не нужно обо мне беспокоиться. Какие вещи я могу взять в приют?

На несколько мгновений в воздухе повисает гнетущая тишина, хотя я не имею ни малейшего представления, что это за место такое, но, похоже, та в чьём теле я оказалась, была из приюта и теперь после развода её туда возвращают. Но об этом я буду думать после.

— Все украшения принадлежат моему роду, но платья моей невесте ни к чему, а потому можешь забрать любые, которые понравятся. Если они уберутся в один сундук. Во второй сундук можешь взять свои нити и ткани для вышивки. Чем-то же тебе там нужно будет заниматься.

Его снисходительный тон вызывает у меня скрежет зубов и отвращение, но я пресекаю в себе этот порыв и лишь мягко улыбаюсь.

— Спасибо, вы так щедры, пока ещё муж. Не могла бы ты проводить меня в комнату собрать вещи? Голова немного кружится, я не хочу заблудиться, — обращаюсь, по всей видимости, к служанке, тщательно игнорируя этого странного и явно опасного мужчину.

Интересно, и чем его это Камелия не устроила, раз он развестись решил?

— Конечно, леди, — несколько раз кивает девушка, но боязливо смотрит в сторону герцога, словно опасаясь выполнять мою просьбу. А я просто следую вперёд.

Судя по положению прежняя хозяйка тела явно спускалась по лестнице во время происшествия, а так как коридор тут прямой, то и заблудиться будет сложно.

Стараюсь держать спину ровно, удаляясь, и вскоре молоденькая служанка действительно догоняет меня и идёт чуть впереди, показывая дорогу.

Хорошо, ведь за дверью сразу ждёт развилка, а за ней – другая. Лабиринт, а не дом. Я едва сдерживаю любопытство, заставляя себя не вертеть головой по сторонам, ведь это выглядело бы странно.

Наконец мы доходим до тяжелой двустворчатой двери, и она осторожно открывает одну из них, пропуская меня в светлую комнату принцессы.

Здесь такие же высокие, как и по коридору, окна, выход на небольшой балкон, огромная кровать с нежным кремовым балдахином и кучей подушек, но сейчас нет времени всё это разглядывать.

— Помоги мне собрать практичные вещи. Нательное бельё, лёгкие и тёплые платья. Только никаких тяжёлых вещей. Нужно уместить как можно больше в сундук.

— А как же шляпки? — растерянно хлопает глазами девушка. — Вы ведь их так любите.

— Сомневаюсь, что в приюте мне понадобятся шляпки, — холодно отзываюсь я. — Давай приступим. У нас всего два часа на сборы.

— Да, госпожа, — кивает она и открывает двери гардеробной.

— Обувь тоже нужно хотя бы по одной паре на сезон, — добавляю уже вслед служанке. Неловко так к ней обращаться, но я даже имени девушки не знаю.

Вскоре в комнату приносят два сундука и на сердце становится чуть легче. Они достаточно объёмные, чтобы вместить себя много вещей.

— Подскажи пожалуйста, ты не знаешь, где у меня хранятся все остальные нити, кроме тех, которыми я пользуюсь обычно? В голове такой туман, — делаю вид, что мне снова становится слегка дурно.

— Конечно, леди! — восклицает она. — Вы пока присядьте, я сейчас для вас всё подготавливаю.

Кончено, немного неловко её обманывать, ведь бедная девушка искренне старается помочь своей госпоже, но сейчас она единственная, кто может мне помочь.

Присев на небольшой диванчик, я ожидаю совсем недолго. Проворная служанка приносит несколько корзин нитей и рулон прозрачной ткани, которую, судя по всему, бывшая хозяйка тела использовала в качестве фона для своих работ.

Сердце наполняется щемящим теплом от увиденного. Мой внутренний ремесленный хомяк переполняется восторгом от количества и качества нитей.

Также она приносит шкатулку с набором игл и изящными ножницами внутри и квадратные деревянные рамы, видимо, используемые в качестве пялец нескольких размеров.

К сожалению взять я смогу не всё, а потому приходится тщательно подбирать оттенки, мысленно прощаясь со схожими мотками.

За этим занятием я даже не замечаю, как проходит время.

Дверь раскрывается с такой стремительностью, что я даже не успеваю среагировать.

— Кира, оставь нас, — обращается пока ещё муж к служанке и она, бросив все приготовления, поспешно покидает комнату.

Артур за пару шагов преодолевает расстояние между нами, да я понять не могу, что с ним не так. От прежней собранности, что я видела на лестнице, не остаётся и следа. Мужчина нависает надо мной, пристально глядясь в мои глаза.

Мне даже приходится откинуться на спинку, чтобы не разрывать контакта. Это длится несколько мгновений, но моё сердце ускоряется, словно пытаюсь обогнать само себя.

Странная давящая аура исходит от этого мужчины, но я не собираюсь ей поддаваться.

И тут...

Оперевшись рукой о спинку дивана возле моего плеча он впивается в мои губы. Требовательно. Жёстко. Так яростно, что всё тело словно пронзает разрядом электричества.

Глава 2

Я не успеваю ни подумать, ни среагировать, ни вообще как-то отстраниться. Лишь удивлённо распахиваю глаза, чувствуя, как румянец разливается по моим щекам.

Артур отстраняется раньше, чем я успеваю упереться ладонями в мощную грудь мужчины, чтобы его оттолкнуть.

— Какая же ты, оказывается, хорошая актриса, Камелия, — почти выплёвывает герцог, яростно глядя в мои глаза.

Распрямляется во весь свой огромный рост и оглядывает окружающие меня нити.

— Всегда любила свои вышивки больше меня. И теперь, вижу, невероятно счастлива от того, что позволяю тебе забрать всё это с собой. Какая же ты, оказывается, расчётливая, корыстная женщина.

Каждое слово остриём впивается в моё сердце. Я не понимаю за что он так ведёт себя со мной. Не понимаю к чему эти оскорбления. Но от чего-то я начинаю чувствовать свою вину.

— Мы ещё женаты, а у вас, мой пока ещё муж, уже имеется невеста. Вероятно, вы дожидаться не можете, пока я уеду в приют, — мне страшно смотреть ему в глаза, внутри всё сжимается от какой-то иррациональной паники перед этим мужчиной.

Возможно прежняя хозяйка тела действительно его боялась, словно ядовитого дыхания. Но я не она. Я – Анна. И пресмыкаться перед этим мужчиной, который вдруг почему-то решил выгнать свою жену в приют, я точно не собираюсь.

— Всё сказала? — цедит он сквозь зубы, сверлит взглядом, но я не покажу ему, что всё это на меня действует.

— Вы слишком близко для без пяти минут чужого мужчины, — заставляю свой голос звучать уверенно.

— Чужой, — повторяет он с беззвучной яростью во взгляде. — Значит всё это время ты делила постель с чужим мужчиной?

От его тона по спине пробегает липкий холодок, заставляющий всё сжаться, сердце окутывает паутина страха.

— Зато вы явно нашли ту, кто в вашей постели станет своей.

Тишина после моих слов становится настолько густой, что, кажется, вот-вот и её можно будет потрогать руками. Герцог смотрит на меня пристально, неморгающим взглядом, а затем молча разворачивается и покидает мою комнату.

Служанка, явно слышавшая весь разговор, вихрем врывается обратно. Бледная, как полотно ткани для вышивания.

— Госпожа, как же так, — Кира падает на колени передо мной и громко всхлипывает. Её глаза наполняются искренней влагой, от чего на сердце появляется щемящее чувство.

Сразу видно, кто из этих двоих действительно хорошо относится к леди Камелии.

— Как? — спокойно спрашиваю у неё и беру руки девушки в свои, отмечая, какие же у Камелии по сравнению со служанками изящные нежные кисти и пальцы. — Вставай, не нужно стоять передо мной на коленях.

— Вы ведь могли попросить герцога оставить вас в поместье, сказать, что беременны. Если бы вы заплакали или молили его оставить вас, господин точно согласился бы. Он ведь когда-то взял вас в жёны.

— Зачем? — коротко прерываю её бурный поток слов, который девушка сейчас явно не контролирует.

— Так ведь говорят в приюте изгнанных жён хуже, чем в тюрьме, — её глаза округляются от ужаса. — Девушки там чахнут за год или два. Слабеют, умирают... Леди, вам туда никак нельзя! — наконец восклицает она.

Визуалы

Дорогие читательницы! Мы приветствуем вас в нашей новой истории. Принесли вам показать визуалы, которые нас вдохновляют на эту историю. Посмотрите, какая красота! Как вам наши герои?

И если вам нравится история, то очень надеемся на ваши звездочки и комментарии. Они заставляют наших музов творить, буквально окрыляют!

Глава 3

— Не переживай, — мягко улыбнувшись, заглядываю в глаза служанке и понимаю, что дрожь и испуг от поцелуя наконец проходят при виде этой несчастной девушки. — Не будем сдаваться раньше времени. К тому же мой пока ещё муж позволил мне взять с собой всё для рукоделия, даже выбрать разрешил.

— Зря вы так, леди Камелия, — несколько обиженно произносит она, опустив взгляд. — Зачем вы так называете господина? Это ведь для него оскорбительно. Если бы вы были чуть мягче и вели себя с ним как любящая жена он, возможно, передумал бы.

— А он ведёт себя как любящий муж? — в ответ интересуюсь я прямо, глядя в глаза Кире.

Даже по молчанию, что повисает в комнате, становится понятен ответ на мой вопрос.

— Но, госпожа, — едва заставляет возразить себя служанка. — Его светлость не обязан вас любить.

Не удержавшись, слегка приподнимаю бровь в изумлении. Интересные у них здесь порядки. Я едва заставляю себя во всём этом разобраться, а не судорожно искать выход из этого мира, ведь раз уж оказалась в теле другой, значит, вряд ли вернуться к себе домой получится.

А потому выбираю тактику осторожного наблюдения, хотя внутри бушует целая буря разных эмоций.

— Если муж не любит меня, а я его, то, возможно, развод это единственный разумный выход в сложившейся ситуации, — пожимаю я плечами, словно совсем не переживаю.

Я, конечно, переживаю. Правда, совсем по другому поводу. Что это будет за приют изгнанных жён? Почему его так назвали уже становится понятно, но почему бы не вернуть жену её родителям? Или у бедняжки их нет? А если спрошу, то буду выглядеть совсем странно, такое на лёгкий удар головой списать точно не получится.

— Нам нужно скорее собираться, — напоминаю служанке и решаю, что переодеться в дорогу тоже не помешает. — И подготовь для меня дорожное платье.

Девушка лишь обречённо кивает, словно это её отправляют в этот приют, а не меня.

Закончив сборы, Кира выкатывает ростовое зеркало в позолоченной резной раме и я замираю, впервые увидев ту, в чьём теле я, похоже оказалась.

Камелия довольно высокая, со светлыми волосами, спадающими мягкими волнами и открытым, но весьма отстранённым взглядом.

Что скрывает печальное и усталое лицо незнакомки, которая смотрит на меня? Что она пережила в этих стенах? За что мужчина, которому она доверила жизнь, теперь разводится с ней?

Пока слишком много не понятно. Кира помогает мне переодеться и как только она затягивает переднюю шнуровку на платье, что, кстати, весьма практично ведь такую смогу развязать и я, дверь отворяется.

Четверо мужчин под командованием моего мужа забирают набитые вещами и нитями сундуки, а он лишь пристально смотрит на меня всё это время, не сводя тяжёлого взгляда.

Сердце вновь начинает биться сильнее, а на щеках проступает предательский румянец, но я слегка обмахиваюсь рукой.

— Жарко, — тихо произношу я. — Кира, проводишь меня к карете? — смотрю на девушку, но сознание тут же пронзает громогласный уверенный возглас:

— Я сам.

Сердце падает куда-то вниз живота, я делаю над собой усилия, чтобы улыбнуться не слишком жалобно.

— Что вы, — выдыхаю я. — Наверняка у вас найдутся дела поинтереснее. Ваша невеста, вероятно, прибудет сюда уже сегодня?

Его глаза сужаются до узких щёлочек, будто я попадаю точно в цель.

— Пока ты на территории моего дома, ты моя жена. Как только покинешь стены поместья, перестанешь таковой быть, — зачем-то рассказывает он.

Неужели и правда думает, что я передумаю? Вот уж! Не хватало мне только добровольно в замужестве с чужим мужчиной оставаться. А ведь ещё и невеста уже имеется.

— Карета уже готова? — с вызовом интересуюсь я, вспоминая, как Кира рассуждала о том, какую карету для этой поездки подберёт для меня его светлость.

— Да, — тяжело произносит он и предлагает мне локоть.

Я немного медлю, но всё-таки принимаю этот странный жест для того, кто провожает бывшую жену в приют.

— Камелия, ты понимаешь, что мне нужен наследник, — почти в самом конце нашего безмолвного пути с тяжестью выдыхает мужчина. — Ты за десять лет брака так и не смогла его подарить.

Поджимаю губы, ощутив глубокую жалость к настоящей Камелии.

— Следующую жену попробуйте любить, вдруг получится, — не могу сдержать язвительного комментария по этому поводу, даже не глядя в его сторону.

После открывшихся событий понимаю наконец, что происходит, пусть и не в полной мере. Но мне становится гадко от его присутствия рядом.

Впрочем, даже в нашем мире множество разводов случается потому, что семья не могла завести детей. А по раздельности как-то получается.

Может и сейчас именно такой случай?

Десять лет... Даже если предположить, что Камелия вышла замуж в восемнадцать, значит мне примерно двадцать восемь. Что ж, судьба или кто такое вообще мог со мной сотворить, явно подарила мне второй шанс.

Ведь я в свои сорок уже отчаялась обрести семейное счастье, а мой развод был в двадцать восемь ровно по той же причине, по которой Камелия сейчас отправляется в приют. Правда мой благоверный прежде чем развестись обеспечил себе железобетонный аргумент. К моменту нашего развода его пассия уже ходила с приличным таким животом.

Отгоняю нахлынувшие воспоминания и с лёгким сердцем встречаюсь взглядом с Кирой. После этого разговора боль прошлой жизни накладывается на потаённые переживания и обиду Камелии и я с предельной ясностью осознаю, что мне нечего делать в этом доме.

Так, Анна Барцева, переехав в новый дом, чтобы начать жизнь, становится Камелией Грэйхем. Только убиваться я не буду на этот раз. Мужчина чужой, мир другой.

Поехали смотреть, что за приют меня ждёт, и как оттуда выбраться. Не могу же я упустить такую великолепную возможность — начать с нуля в новом мире?

Да ещё и тело куда моложе.

— Господин выбрал для вас лучший экипаж, — словно уговаривая меня остаться шепчет Кира, помогая мне взобраться по качающейся подвесной ступеньке.

— Береги себя, — улыбаюсь я в ответ, решив оставить её слова без ответа.

Так называемый лучший экипаж ни в какое сравнение не идёт с машинами. Как только он трогается, я понимаю всё неудобство этой конструкции. Трясёт так, что и правда, только корсет может удержать внутренности на своих местах.

Но покидаю я это место с ясным разумом и уверенностью в том, что плыть по течению на этот раз я не собираюсь. Нужно брать всё в свои руки и лишь тогда можешь обрести счастье.

Дорога длится так долго, что я успеваю передумать обо всём. Пейзажи за окном не слишком интересные. Обычные поля, обычные леса и дорога. Смотреть особо не на что. Почти сразу я замечаю, что мне в дорогу была собрана корзинка с выпечкой и глиняным сосудом с каким-

то компотом, но понимаю, что мой желудок после такой встряски просто не способен принять в себя хоть что-то.

А потому весь путь остаюсь голодной. К месту назначения карета прибывает, когда вокруг уже сгущаются ночные сумерки.

Чуть пожившись от прохладного воздуха, окутавшего меня, как только я ступаю на влажную землю, осматриваюсь по сторонам.

А это точно приют? Больше похоже на старую лечебницу для умственно несчастных, да ещё и на болотах.

Глава 4

Но стоит мне зайти внутрь, как я сразу же ощущаю, воздух внутри здания еще тяжелее, чем снаружи. Кажется, им можно дышать, но только один раз, второй уже не получается. Здесь пахнет сыростью и плесенью, от чего мне сразу же становится дурно.

Меня встречает, по всей видимости, хозяйка приюта. Ею оказывается дородная женщина в сером платье, с туго стянутыми в пучок волосами и лицом, на котором вместо улыбки нарисована её карикатура.

— Леди Камелия Грэйхем? — спрашивает она деловито, без всяких приветствий.

— Добрый вечер, да, это я, — произношу в ответ, но не успеваю больше ничего сказать.

— Добро пожаловать в наш приют, милочка, — она снова улыбается, но в глазах нет ни грамма тепла. — Здесь вы наконец сможете отдохнуть от всех житейских тревог.

“Да уж, так себе отдых от тревог!” — думаю я, глядя на стены коридора, по которым тонкими зелёными прожилками и размытыми грязно-серыми пятнами тянется плесень.

Отсюда сбежать хочется как можно быстрее и как можно дальше. Но я молчу. По крайней мере, пока.

— Следуйте за мной, — явно упиваясь своим положением произносит женщина и ведет меня по длинному и, кажется, бесконечному коридору.

Под ногами в тусклом освещении я едва могу различить каменные плиты, а на стенах, судя по пятнам, когда-то висели гобелены, но теперь они сползают, как старые мокрые тряпки, и источают запах затхлости.

Сырость будто обволакивает кожу, проникая под платье.

— Здесь у нас всегда свежий воздух, — сладко замечает женщина, заметив, как я поёжилась от пробирающего до костей противного холода.

— О да, чувствую! — Киваю я, едва пытаюсь сдержать ядовитое замечание, всё-таки это место должно стать мне домом, но оно всё равно вырывается. — Прямо бриз с кладбища.

К счастью, женщина, даже не представившаяся мне до сих пор, оставляет это без ответа.

Комнату мне выделяют небольшую, с низким потолком и маленьким окошком где-то наверху, куда я даже заглянуть не могу. В голову невольно лезут сравнения с тюремной камерой, разве что решеток на окнах нет. Постель застелена белыми простынями, но на ощупь они оказываются грубыми и влажными.

— Сырость, — озвучиваю я вслух, то что вертится на языке.

— Ах да, это бывает, — с готовностью откликается хозяйка приюта, складывая на животе руки, — Здание старое, но вы привыкнете! Главное — сохраняйте покой в душе и благодарность. Ведь ваш муж обошелся с вами весьма благородно, разрешив доживать вашу жизнь тут.

Меня едва не передёргивает от этого комментария, но я пытаюсь сохранить лицо. Женщина садится на стул, с таким видом, словно это трон, а она тут — королева, рассказывающая мне об обычаях этого места:

— У нас строгий, но правильный распорядок: подъём в шесть, общий завтрак, потом прогулка в саду, ведь свежий воздух творит чудеса. Затем рукоделие или библиотека, обед, отдых и вечернее чаепитие, после чего все должны разойтись по комнатам и отойти ко сну. Мы любим порядок, леди Камелия. Порядок это залог спокойствия.

— И благодарности, — язвлю я.

Но она не понимает моей язвительности. Кивает словно монаршая особа:

— И благодарности!

Потом она показывает мне библиотеку, маленькую, с пыльными полками и потрепанными книгами с пожелтевшими страницами. Половина здесь сборники проповедей о смирении

нии неизвестной мне религии, а другая половина оказывается старыми любовными романами, зачитанными буквально до дыр. Даже их названия читаются с трудом.

— Дамы находят в книгах утешение, — поясняет хозяйка.

— Конечно, — киваю я. — Особенно в тех, где героиня умирает от тоски.

Больше смотреть тут нечего. Я успеваю увидеть общий обеденный зал, но он пуст, ни души, лишь длинные столы и деревянные скамьи вдоль этих столов. Наверняка для бывших жён это то еще испытание – сидеть на скамье, куда еще усестся в длинном платье – та еще задачка.

— Обед давно закончен, леди, — бросает мне кухарка, которая с удивлением обнаруживает меня в обеденном зале. — Мы всегда подаем его в одно и то же время. Кто опоздал, тот остался без обеда. А ужина не предусмотрено. Только вечерний чай, но его леди сами уж делают.

Я молча киваю, и спешу к выходу. И вот тут меня ждет сюрприз!

Хозяйка спешит мне навстречу по коридору, чуть не сбивает меня с ног:

— Леди Грейхем! Вот вы где! А я вас ищу! К вам маман ваша изволила пожаловать!

— Маман? — переспрашиваю я, удивляясь. Раз я отправлена в приют после замужества, разве есть мои родители? Я уж было подумала...

Так я, оказывается, не так одинока в этом мире! Стоило мне приехать в приют, как через час за мной приехала родственница. Возможно сейчас все разрешится! Поеду домой к родителям, раз муж выгнал из дома.

— Она вас ждет на улице, не желает заходить, все-таки тут слишком сыро у нас и не подобающе для дамы высшего света. — суетливо поясняет хозяйка, — пойдемте, я провожу вас.

Я хмурюсь, начиная подозревать неладное. Но мои подозрения оказываются слишком обманчивыми. Матушка встречает меня в беседке в саду. На ее лице написано отвращение и злость, насколько я могу судить в неровном свете редких фонарей.

Она, похоже, еле сдерживается, чтоб не начать кричать и просто шипит, будто ядовитая змея:

— Что ты натворила? Неужели нельзя было сохранить брак? Родить дитя дракону?! Ты поставила всю нашу семью под удар своим поведением! Хорошо, что твоя сестра жила с тобой под одной крышей в замке герцога Грейхема, и не упустила этой возможности стать его невестой. Теперь она будет леди Грейхем, а ты должна отказаться от титула и от фамилии!

Глава 5.

Моя... сестра?

В одно мгновение у меня словно выбивают из груди воздух. Я не знаю ни женщину передо мной, ни мою сестру которая, оказывается, жила всё это время с нами под одной крышей. Но зато отчётливо ощущаю глубокую печаль, ненависть и жгучую ярость, которые смешиваются в один безумный коктейль, бегущий по моим венам.

Так и хочется высказать прежней хозяйке этого тела, какого она вообще творит?

Но спрашивать не с кого. А ответа ждут от меня.

— Если бы это потребовалось, мой бывший муж сам бы забрал у меня фамилию, — я стараюсь изо всех сил держать лицо перед этой незнакомкой, к которой я пока не питаю чувств, кроме неприязни.

Неужели настолько ценен этот брак, что она даже вторую дочь отправила в логово этого мужчины, чтобы если что, да получилось?

— Амелия достойна этого не меньше тебя. Нужно было изначально подождать, пока наш нежный цветочек наберётся сил и очарует этого господина. А тебя нужно было выдать замуж за какого-нибудь старика, да поскорее.

После этих слов, брошенных в пылу ярости, у меня пропадает любое желание общаться с той, кого Камелия когда-то называла мамой.

Сердце сжимается от боли, как так вообще можно поступить с собственным ребёнком?

Но я окидываю взглядом ту, что стоит передо мной и в голове мелькает догадка. Возможно, Камелия ей не родная. А вторую дочь называл отец.

— Прошу вас больше не навещать меня, матушка, — холодным голосом произношу я и разворачиваюсь, чтобы она не успела увидеть влагу, заполнившую уголки моих глаз.

Пусть я не знаю её, пусть она сказала столько неприятного, всё-таки это часть семьи прежней Камелии. И жестоко вот так её отвергать.

Спешными шагами я покидаю место встречи с тяжёлым сердцем. Всего один день в этом мире, а это уже третий удар для Камелии. Бедная девочка, ты не справилась. Но я обязательно покажу всем им, что может та, от которой все отказались.

И начну я, пожалуй, с места, где теперь очутилась. Нужно что-то срочно делать с приютом, иначе не хватает всем подцепить под осень инфекцию. Наверняка именно так девушки здесь и умирают.

Умывшись прохладной водой из медного таза я ложусь в постель, всем телом ощущая влагу этого места. Нужно будет высушить одеяло и матрасы, всё проветрить, пока ещё есть последние сухие деньки.

И раз уж на стенах плесень, наверняка где-то есть проблемы с самим зданием. Но это просто опасно для жизни.

Я засыпаю со смешанными мыслями. С одной стороны возможно это просто дурной сон и он закончится, как только я здесь усну. И с другой стороны обдумываю, что делать, если утром проснусь на этом же месте.

Мои надежды на пробуждение в родном мире с треском разбиваются о реальность, в которой я открываю глаза.

В утреннем свете это место кажется не таким пугающим, но ещё более тоскливым. Как будто оказалась в старой областной больнице, в которой давно все забыли о содержании. Но в любом случае это лучше, чем оказаться на улице и без вещей.

Стоит мне переодеться и направиться к двери, как в комнате раздаётся резкий энергичный стук.

Сразу после этого дверь распахивает всё та же дородная женщина, встречавшая меня и с удивлением моргает глазами несколько раз, оглядывая меня, словно диковину.

— О, так вы уже на ногах, — её губы растягиваются в приторной улыбке. — В первую неделю без служанок обычно всех леди приходится поднимать с боем.

— И вам доброго утра, леди... — я заминаюсь, так как напрямую спрашивать уже как-то неудобно, но женщина до сих пор так и не представилась, будто все обязаны заранее перед встречей с ней должны уже знать её имя.

— Джозетта, меня можешь называть просто госпожа Джозетта, — с тяжёлым взглядом смотрит она из под полуопущенных ресниц. Не понимаю, это должно было придать ей строгости или какого-то сурового вида?

Даже хорошо, что она на самом деле не знает сколько мне лет.

— Хорошо, леди Джозетта, — улыбаюсь я, не желая называть её госпожой. — Я могу пройти? Хотела бы здесь осмотреться пока есть возможность.

— Ах, да, — нехотя она протягивает мне кожаный кошелёк, набитый деньгами, но не слишком туго. Словно парочку из них кто-то вынул перед тем, как передать дальше. — Ваше месячное содержание. Ваш муж передал и должна признаться, внушительную сумму. Видимо он вас очень ценит, большинство бедняжек получает лишь жалкие гроши. Уверена, они будут рады, если вы по случаю своего приезда устроите для них чудесное чаепитие.

Почему-то от этого приторного тона у меня появляется странное свербящее чувство.

И уже через пару часов, я понимаю, что не зря...

Глава 6

После небольшого осмотра я направляюсь в столовую для завтрака и, как оказывается, судя по заполненным местам, захожу туда последней.

Как только дверь за мной закрывается с тихим скрипом, несколько десятков пар глаз в тот же миг приковываются ко мне.

Чувствую себя, словно нелепый манекен на витрине, которого видно с улицы и каждый норовит на него мельком, да взглянуть.

— Представляю вам бывшую жену герцога Артура Грэйхема, леди Камелию Грейхем. С этого дня она станет частью нашей большой дружной семьи, дорогие сёстры. И, я уверена, как та, кого содержит сам герцог, она устроит для вас грандиозное чаепитие. Девушки тратят своё жалование на закупку чая и печенья. Так же на каждое чаепитие принято обновлять платье. Обязательно проводить чаепитие хотя бы раз в месяц.

С каждым её словом мои брови поднимаются всё выше, и выше, и выше.

— Леди заняться нечем или деньги девать некуда? — прерываю я этот поток мыслей о чаепитиях. Думаю, ещё чуть-чуть и это будет моё личное ненавистное слово в стенах этого заведения.

Джозетта пару раз открывает рот, словно рыбка, а потом сжимает ярко накрашенные губы в тонкую линию.

Я осматриваю ошеломлённые лица девушек. Кожа у них серая, вид не очень здоров. Им бы действительно в какой-нибудь пансион, а не в этот приют на болотах.

В зале звенит тишина. Полагаю, пролети тут бабочка, я бы услышала шелест ее крыльев. Кажется, все даже дышать перестали.

Джозетта поворачивает ко мне голову, будто я только что предложила всем сплясать на столах.

— Прощу прощения? — она старается сделать вид, что не расслышала. Но смотрит при этом на меня так, словно уже мысленно отправила меня на казнь.

— Я говорю, что у вас тут сырость, — повторяю я медленно, не собираясь отказываться от своих слов. — Плесень на стенах, влажные простыни, и, кажется, половина дам кашляет. Может, прежде чем платья обновлять, просушим стены и избавимся от сырости?

По залу проходит волна перешёптываний. Да что с ними не так? Неужели им нравится жить в такой обстановке?

Одна дама, лет сорока, с туго затянутым корсетом, сжимает губы.

— Сколько себя помню, здесь было так всегда, — отчетливо произносит она, добивает меня признанием: — Я еще когда ездила сюда навещать бабушку, а потом и маменьку, я прекрасно помню этот запах и влажность.

— И ничего в этом нет страшного, — добавляет другая, молоденькая, с опущенным взглядом. — Госпожа Джозетта знает лучше. Тем более, что все равно денег у нас нет, чтобы отремонтировать здание.

Госпожа Джозетта глядит на меня победным взглядом. А я перевожу взгляд на других обитательниц приюта. Они сразу все словно расслабляются, будто я нарушительница их спокойствия и сложившегося мирка, и меня поставили на место.

Сейчас я, видимо, в их представлении должна громко извиниться и сесть на своё место. Но во взглядах некоторых изгнанных жён я улавливаю и кое-что другое.

Кое-кто из них слегка расправляет плечи, у кого-то мелькает слабая искорка в глазах, или на миг меняется выражение лица с привычного скорбного на любопытствующее. Надо же! Похоже, сегодняшнее утро и моя легкая пикировка с леди Джозеттой для них словно глоток свежего воздуха. Развлечение, которого не было тут годами.

— Ах, да, конечно, — вкрадчиво начинает сама Джозетта, и в голосе появляется противная усмешка. — Леди Грэйхем пока ещё не привыкла к новой жизни. После роскоши замка герцога ей, вероятно, трудно смириться с реальностью. Но это скоро пройдет. Наш приют отличное место, чтобы принять свою судьбу.

— С реальностью, где стены гниют, и все пронизано сыростью? — я не выдерживаю и делаю шаг вперёд, сжимая кулаки, — Или с реальностью, где женщина после развода должна не жить, а тихо умирать от скуки и влажности?

Воздух сгущается. Девушки смотрят на меня с тем ужасом, с каким, наверное, смотрели бы на корчащуюся на костре ведьму.

— Мы... не можем вмешиваться, — произносит та же пожилая дама. — Нам не дозволено менять что-либо без разрешения. Это так было испокон веков!

Она говорит с такой уверенностью, словно сообщает нерадивой ученице сколько будет два плюс два, а ученица никак не может взять в толк, поэтому ей приходится повышать голос и даже слегка привстать.

— Да и зачем? — устало отзывается кто-то из угла. — Всё равно ничего не исправить. Дни наши коротки. Это не в наших силах.

По обеденному залу проносится ропот, среди которого я улавливаю несколько возмущенных фраз:

— Где мы найдем работников?

— Откуда взять средства на ремонт?

— Мы и так все делаем сами, слуг здесь нет, с чего эта новенькая взяла, что кто-то сделает этот ремонт...

— Ничего-ничего, и не такие успокаивались в этих стенах, дайте срок: и эта успокоится. Я чувствую, как кровь приливает к лицу.

— А вы уверены, что вы все еще остаетесь людьми, а не бледной тенью испуганных особ? — Слова вырываются прежде, чем я успеваю их обдумать. — С чего вы решили, что жизнь заканчивается после развода?

Тишина становится оглушительной.

Джозетта молчит, но в её взгляде читается обещание: она мне это припомнит. И не раз!

Никто не отвечает. Девушки опускают головы, кто-то отворачивается, кто-то делает вид, что рассматривает тарелку с жидкой овсянкой, ковыряется в ней ложкой.

А я стою посреди этого омертвевшего зала и чувствую, как внутри всё пылает.

Гнев, беспомощность, негодование — всё сплетается в тугой узел внутри меня, обжигает несправедливостью.

Почему они молчат? Почему терпят? Почему живут, будто уже умерли?

Глава 7

Понимаю, что с потомственными обитательницами приюта, которых сюда ссылают поколение за поколением сейчас разговаривать смысла нет совершенно. Однако есть же девушки, которые в приюте не так давно.

В глазах одной я точно видела огонёк, пусть и совсем ненадолго. А это уже что-то.

Что-ж, буду разговаривать с ними по-другому.

Не словами, а делами.

Завтракать с представительницами местной знати пропадает всякое желание и я просто уйду, больше не сказав ни слова.

Настаёт время перекуса, положенного с собой в дорогу. Компот из ягод чем-то напоминает красную смородину и от этого я на какое-то время переношусь в давно позабытые детские воспоминания у бабушки в деревне. Просторный деревянный дом с подвалом полным заготовок и бабуленьку, которая, как сейчас помню, после паводка боролась с окаянной плесенью раствором соды. Самой обыкновенной. И ещё уксусом, но после него ещё долго стоял ужасный запах, который мы никак не могли выветрить из под пола.

А вот сода вполне безвредна и руки после неё не пострадают. Самое то, что нужно знатной леди. Хотя, если взглянуть на них, то здесь любой работы бояться. От того и чахнут.

Да и Джозетта мне явно не нравится. Пудрит мозги что юным леди, что уже дамам в возрасте, а они и слышать ничего другого не хотят, ведь она о них якобы заботиться.

Я покажу, как на самом деле надо заботиться.

Первым делом открываю настежь окна, чтобы прогнать излишнюю влагу. Снимаю влажное бельё и с трудом вытаскиваю тяжёлые матрасы, имеющие характерный запах застарелой воды. За день эт явно не просохнет, а значит придётся повторять.

— Из-за тебя все заболеют, ты все комнаты выступишь, — за спиной раздаётся знакомый голос потомственной обитательницы сия причудливого места. — В такое время ещё не топят нормально, по трубам течёт холодная вода.

— Вот и нужно, чтобы после обработки всё хорошенько протопили, — развернувшись, сталкиваюсь с тяжёлым взглядом женщины.

Возможно, когда смотришь на Камелию и возникают мысли, что у неё в голове ещё ветер по молодости гуляет, ведь она не выглядит даже на свои двадцать восемь. Но мне только лучше от того, что никто здесь не знает настоящую Камелию, а потому могу вести себя так, как привыкла.

— Только потому что ваш бывший муж был герцогом это не делает вас герцогиней, — её тон возвращается в более официальное русло. — Здесь все равны.

— Вот как, — мои губы растягиваются в довольной улыбке. — Только я опускаться до вашего уровня и терпеть подобное отношение к себе не желаю. А ещё советовала бы спросить у бывшего мужа сколько денег он вам отправляет и сравнить эту сумму с той, что передаёт вам Джозетта.

— Да как... — она набирает в лёгкие воздуха.

— У меня много дел, — не желая продолжать этот разговор, прерываю незнакомку.

И почему каждая из них строит из себя благородную леди, но даже не может нормально представиться?

Помимо Джозетты здесь работают ещё работники кухни, а значит, возможно там я смогу найти того, кто сможет мне помочь в моей безумной для этого места затее.

И кто-то явно отвечает за отопление. Тоже нужно обо всём узнать. судя по всему отапливается это помещение трубами, а вода для них как-то греется в котле.

Сейчас перед наступлением зимы самое время избавиться от промозглой влажности, а не тратить средства на бесполезные никому ненужные платья и чаепития.

От одной этой мысли уже дурно становится, а ведь я тут полноценно всего первый день. Украдкой пробираюсь к кухне, которая, как я и подумала, находится по соседству со столовой. Сейчас на стороне Джозетты практически все жительницы, а потому на глаза лучше не попадаться ни одной из них.

Осторожно стучу и уже через пару мгновений из кухни высовывается миловидная женщина с добрыми глазами и округлыми формами.

— Завтрак закончен, а до обеда ещё долго, — тут же скороговоркой произносит она и уже собирается закрыть дверь, но я успеваю перехватить её.

— Стойте, мне нужен совет. Я не займу у вас много времени, — тихо говорю я, оглядываясь по сторонам, будто преступница.

— Совет? — она удивлённо вскидывает бровь, но я замечаю, что это её заинтересовало.

— Да. Я знаю, что с плесенью можно бороться раствором соды. Вот только мне негде её взять. Не подскажите, как её купить? И дорого ли она стоит?

Женщина сперва хмурится, обдумывая мои слова. Время тянется так медленно в этом ожидании и мне кажется, что вот-вот меня поймают и отчитают.

— Так вы та самая новенькая, что устроило сегодня сцену в столовой, — её лицо озаряет улыбка. — Послушай совета старой Луизы. Устрой чаепитие. Тогда сможешь выбраться в город за покупками.

Глава 8.

Луиза ещё долго смотрит на меня прищуром, словно оценивает, не сошла ли я с ума. Но, судя по слабой, но всё же тёплой искорке в её глазах, моя безумная идея ей по душе.

— Устрой, устрой, – повторяет она, – Сама понимаешь, у нас здесь... порядок. Без разрешения никто никуда.

– Порядок, – хмыкаю я, закатывая глаза, – Не очень то подходит для обозначения тюрьмы.

– Ох, дитя... – вздыхает она. — Тут свои правила. И если хочешь выжить, то научись ими пользоваться.

С этими словами она исчезает за дверью кухни, оставив меня посреди коридора.

Я иду в свою комнату, мысленно прокручивая список того, что нужно: сода, тряпки, ведро, швабра, и конечно же, немного печенья к чаю, чтобы формально выполнить идиотское требование Джозетты о ежемесячных чаепитиях.

Каждый раз этот мир удивляет меня всё больше: стены приюта гниют, женщины болеют, но приют держится на голых иллюзиях о приличиях и чаепитиях, и о том, что это правильно, лишь потому что так было всегда.

В своей комнате я вытаскиваю одежду из сундука, выбираю самое простое платье серого цвета, в котором можно легко затеряться в толпе.

Волосы заплетаю в косу. Стараюсь выглядеть как простолюдинка, что отправляется на базар за содой и тряпками.

Правда, у ворот меня останавливает сторож, причем с таким видом, будто ловит на преступлении века. Он подозрительно шурит и рывкает как на нарушительницу всех устоев:

– Куда это вы собрались, юная леди?

– На базар, по поручению леди Джозетты, – вру я, не моргнув глазом, – Она сказала, что нужно закупить все к традиционному чаепитию в честь моего прибытия в приют.

– Ах, ну если по поручению, тогда пожалуйста! – сразу превращается он из сторожевого пса в угодливого слугу. – По дороге сразу ступайте направо, и примёхенько выйдете к городским стенам, а там уж разберетесь!

Отворяет запертую калитку, пропуская меня на улицу. Ну и порядки! В очередной раз поражаюсь я. Мало того, что все отсырело, так еще, чтобы выбраться отсюда, нужно разрешение хозяйки.

Интересно, как она отреагирует на мою самовольную прогулку на базар? Наверняка не порадует. Но с другой стороны, никаких правил в приюте нет, это же не тюрьма?!

Дорога к городу оказывается вполне приятной, и идет через рощу. Впервые с момента моего попадания в этот мир я чувствую, что могу дышать полной грудью. Настроение сразу теплеет, и мне самой начинает вериться, что я справлюсь и с плесенью и сыростью приюта, и с его хозяйкой, и даже со своими “родственничками”, которых врагу не пожелаешь.

Минут через сорок я действительно вижу перед собой то, что сторож назвал городскими стенами. По факту это больше похоже на покосившийся, но довольно высокий забор. Да и город сам небольшой: три короткие улицы, рыночная площадь и старая церковь.

Зато есть несколько лавок ремесленников. После пустынной дороги, по которой пока я шла, мне никто не встретился, а также после молчаливого и сырого приюта, город кажется мне ярким и шумным.

Я легко нахожу лавку, о которой говорила мне Луиза, ныряю внутрь, слегка пригнув голову, чтоб не стукнуться о низкую балку входной двери.

Внутри хозяйственной лавки множество банок, корзин, стопок тряпок, ведёрок, мешков, что даже ступать приходится аккуратно, чтоб не снести что-нибудь ненароком.

За прилавком стоит полная женщина лет пятидесяти пяти, с темной с проседью косой, обернутой вокруг головы. Она оглядывает меня от макушки до пяток, словно определяя, что я за птица:

— С добрым утром. Что ищешь, красавица?

«Красавица» звучит неожиданно и приятно, и я улыбаюсь.

— Мне нужен раствор от плесени, — начинаю осторожно. — И всё для уборки. Серьёзной. Она вскидывает бровь, будто сразу понимает, где я уборку собралась делать:

— От плесени? Неужели от той, что в приюте? — с неподдельным изумлением восклицает она.

— Да.

— Ха! Наконец-то кто-то решился. Ну дела!

— Я знаю, что сода нужна... — начинаю я нерешительно.

— Нужна! — соглашается хозяйка лавки, — а еще нужна красная Своеженица.

Достает склянку с бордово-красной травой, предупреждает:

— Только много не добавлять! На ведро воды щепотку, не больше, иначе стены покраснеют, будто от крови. И не отмоешь ничем потом, да и закрасить будет тяжело.

Я благодарю её, искренне улыбаясь:

— Поняла, спасибо! Еще швабра мне нужна и щетки.

— Дело говоришь, красавица! — расплывается в улыбке лавочница, явно не ожидавшая от «герцогини в изгнании» такой прыти в борьбе с плесенью в приюте, — вот бери. Тряпок много не надо, и лучше погрубей возьми, вот эти. Потрешь хорошенько стены...

Она вдруг прерывается, смотрит на меня недоверчиво. Уточняет:

— Неужели сама будешь? Там ведь нету слуг? Ну и ну! — она качает головой.

— Слуг нет, — соглашаюсь я, — значит, сама и буду. Больше никому!

Она смотрит на меня со смесью недоверия и одобрения:

— Хорошо. Но как все промоешь, надо бы высушить. Просушить там все надо хорошенько, понимаешь?

— Понимаю, — соглашаюсь я без особого энтузиазма.

— Эх, деточка, за хорошее ты дело взялась, но сложное. Надеюсь, получится у тебя всё.

Она ловко складывает всё, что я выбрала в холщовую сумку. Склянку с содой, склянку с красной своеженицей, тряпки да щетку и протягивает мне её вместе со шваброй.

— Двадцать медяков за всё, — объявляет она громко.

Я лезу в кошелек. Роюсь в нем. Что за медяки? Как разобраться — совершенно непонятно.

Растерянно поднимаю на торговку глаза. Кусаю губы в нерешительности. Сознаться, что я не понимаю, что за деньги в моем кошельке? А ну как подумает, что я сумасшедшая?

Снова ныряю в кошелек пальцами, наудачу решив выпотрошить любую монету, а потом разбираться. Но конечно же делаю слишком резкое движение, и когда достаю монету, то несколько монет выпрыгивает из кошелька, со звоном падают на прилавок, прыгают по нему, крутятся на месте.

У хозяйки лавки расширяются глаза от этого зрелища. Она всплёскивает руками, кричит:

— Ах ты ж, глупое создание! Ты чего творишь? Разве так можно?!

Глава 9

Я испуганно прижимаю кошелёк к груди, широко распахнув глаза и глупо похлопав ими. Не ожидала я в такой ситуации оказаться ну никак. Вся собранность резко будто испаряется, а хозяйка лавки внезапно начинает осматривать помещение за мной.

— Повезло тебе, деточка, что в лавке нет никого, — наконец выдыхает женщина и, подняв золотую и серебряную монету протягивает мне их обратно. — Никогда не бери с собой золото! Все золотые монеты прячь подальше, чтобы никто вообще не знал об их существовании. Основную часть серебряных монет нужно носить на теле, чем ближе, тем лучше и тоже, чтобы никто не видел. Спрятать в складках платья или повесить на шею. И никогда не следует ходить с таким вот дорогим мужским кошельком. Нужно что-то попроще. Дамское. И вот там можешь хранить всю медь, что у тебя есть и на всякий случай кинуть две-три серебряшки, но даже когда достаёшь деньги, лучше их не показывать!

Я впитываю информацию, словно губка, в голове у меня прорисовывается ясная картина.

— Скажите, неужели так сильно ценится золото? — неуверенно уточняю я.

— Конечно! В одной серебряной сто меди, а в одной золотой сто серебра!

Если вся покупка у меня выходит на двадцать медных, то сколько же всего можно приобрести на одну золотую... А у меня их не одна в кошельке, а целых три!

— Сейчас, погоди, — вдруг суетится женщина и ныряет в кладовую, а затем выносит мне холщёвую сумку, похожую на шоппер, только такой, средневековый, и длинный кожаный шнур.

— В сумке есть скромный кошелёк, это моя старая сумка. А то выглядите вы леди, может, и как простая девушка в этом платье, а вот кошелёк вас выдаёт. Мы его спрячем. А медяки да несколько серебряшек в сумке оставим.

Выбрав почти все медные монеты и несколько серебряных я перекладываю их в простенький тряпичный кошелёк со шнурочком вместо застёжки, а кожаный кошелёк бывшего мужа прячу в складках платья, привязав туго шнур.

— Спасибо вам, — искренне благодарю женщину. — Так сколько с меня будет?

— Двадцать медяков за всё, — уверенно повторяет хозяйка лавки и я отсчитываю двадцать три медные монеты.

— За помощь и сумку, — улыбаюсь я, видя, как глаза хозяйки магазинчика округляются от изумления. — Возможно, вы помогли мне сохранить целое состояние, — чуть смеюсь я, а внутри всё сжимается от страха. Такая сумма при мне. И что мне с ней делать... — Скажите ещё, а есть ли в этом городе банк?

— Вы имеете в виду золотохранилище? — уточняет она и дождавшись, когда кивну активно мотает головой. — Что вы! Такие только в трёх центральных городах бывают и прибить туда можно впервые только лично. Это потом можно будет через конторы в городах поменьше их пополнять. Помню, муж мой, в трёх часах езды своё жалование ездил откладывать.

— Спасибо вам, — ещё раз киваю я, теперь, кажется, зная, где можно подробнее разузнать информацию.

В голову закрадывается неприятная мысль, как только я оказываюсь на улице.

Джозетта точно знает о том, что в моём кошельке есть золотые монеты. И неизвестно ещё, какие именно она вытащила прежде чем передать его мне. Нужно будет сегодня всё сесть и посчитать, может пойму, какую сумму мой уже бывший муж предоставил на содержание своей дорогой жены.

С тяжелыми мыслями захожу в ближайшую лавку, от которой исходит приятный аромат свежей выпечки и рот тут же заполняется слюной, а мысли из тяжелых внезапно становятся

лёгкими и начинают витать вокруг румяных пышек, разнообразного печенья и кексиков с разной начинкой.

Вздыхая, сожалея, что здесь нет кофе на вынос и всё это сейчас никак не получится нормально попробовать, сидя за столиком на красивой веранде, увитой цветами, но я всё-таки решаю поинтересоваться у хозяина лавки, что лучше взять для большого количества незнакомых дам.

Высокий сухопарый мужчина, чьё лицо избородили морщинки, задумывается лишь на миг.

— Вам для чаепития в приюте? — понимающе уточняет он и, увидев мой утвердительный кивок, задумчиво произносит. — Давно никто ко мне не заходил, всё покупают печенье у Сизы на другой стороне городка.

— Уж пахнет очень у вас приятно, — расплываюсь я в улыбке, но имя запоминаю на всякий случай.

— Я бы посоветовал взять рассыпчатое печенье, оно стоит не очень дорого и не имеет начинки. Или воздушные кексы без начинки.

— Я возьму и то и то. Видели бы вы этих бледных женщин, словно и не кормят их вовсе.

— Как же не видеть, — вздыхает он. — Жаль бедняжек, да только пока сами не захотят, никто их оттуда и не выкупит.

— Что вы имеете в виду? — удивлённо хлопаю глазами.

— А вы не знали? Если женщину из приюта решит кто-то взять замуж, то за неё нужно заплатить десять золотых и тогда она станет свободной. Пять золотых уйдёт приюту за содержание, а пять её мужу и освободит его от обязательства платить её расходы.

— Откуда вы это знаете? Неужели есть кто-то там, кого вы бы забрать хотели?

— Дочь у меня там, — вздыхает мужчина. — Замуж её не возьмут ещё раз, бесплодна она. А у меня сердце обливается от того, что я даже забрать её не могу. Сгинет ведь...

— Скажите, а как её зовут? Может для неё передать что-то нужно? — внезапно проникаюсь тёплыми чувствами к горю этого мужчины.

— Анита Шанталь. Она потеряла первого ребёнка и с тех пор не может иметь детей, а потому и замуж второй раз её никто не возьмёт. Передавать ничего не нужно, я сам её навещаю по возможности. Но буду рад, если у моей дорогой дочурки появится хоть одна подруга. Вы кажетесь мне леди рассудительной.

Искренне не понимаю, что за несправедливость. Почему такие, как она, вынуждены прозябать в каком-то приюте? Почему при живых родителях она заперта там при непонятных правилах?

— А заверните мне, пожалуйста, ещё выпечки. Хочу попробовать разные начинки, — указываю я на невероятно красивые пышки. — Только отдельно.

— Чайная лавка у нас в городе только одна, но вы следите там, чтобы листья крупные сыпали в мешочек, а то незнакомцам любят там мешочек крошками набивать.

— Спасибо, — благодарю я мужчину и забираю свои покупки.

Сколько всего оказывается можно узнать, просто прогулявшись по лавочкам.

Глава 10

Чаепитие, служившее для меня лишь прикрытием для вылазки в город, все-таки приходится проводить. Но я решаю для себя, что мне и это на руку. Пусть Джозетта думает, будто я смирилась и пляшу под ее дудку.

Я расставляю вазочки с выпечкой на больших длинных столах. Рассыпчатое печенье и кексы выглядят изумительно, а пахнут так, что у меня рот моментально наполняется слюной.

Завариваю чай для всех обитательниц приюта. И словно по команде, что всё готово, мои сёстры по несчастью начинают заполнять столовую.

Кто-то смотрит надменно, оценивающе, видимо, мысленно прикидывая сколько я потратила денег и не сэкономила ли на столь важном мероприятии. Кто-то дружелюбно и открыто, радуясь хоть какому-то разнообразию. Но на большинстве лиц скука и смирение, они словно тени своей прежней жизни, когда они были еще жёнами драконов.

– Как чудесно, что вы справились, леди Камелия! – пропевает словно птица Джозетта, – Девушки, дорогие, давайте поблагодарим нашу сестру за её щедрость и дружелюбие.

Мне хочется фыркнуть и закатыть глаза, и я все силы трачу на то, чтоб не сделать этого, в то время как по залу прокатывается неясный гул из, состоящий из “спасибо”, и “ах, как мило”, кто-то даже хлопает в ладоши.

Но я не смотрю на них, я ищу глазами Аниту, дочь булочника. Почти сразу вижу ее. Она, столкнувшись со мной взглядом, робко улыбается. Мне кажется, что она еще моложе меня, худенькая, в очень простом платье, она выглядит уставшей и изможденной. К счастью, места по обе стороны от нее пустуют и я решительно направляюсь к ней.

Она не поднимает глаз от тарелки, когда я сажусь рядом, и на секунду я почти боюсь, что она сейчас расплчется.

– Это откуда? – спрашивает тихонько она, не поворачивая головы, будто боится верить своим глазам.

– Из пекарни на городской площади, от вашего отца, если я не ошибаюсь.

– Не ошибаетесь, – робко, едва слышно произносит девушка и на душе у меня сразу становится легче от осознания, что я правильно угадала. – Он что-то говорил?

– О, да! – Отвечая я, тепло улыбаясь ей, будто моя улыбка в силах ее хоть немного согреть, – Он сказал, что вы лучшая дочь на свете, и он будет рад, если у вас в приюте появится подруга.

– Спасибо! – шепчет она, – я очень по нему скучаю.

– Анита, а это место всегда было таким? – спрашиваю её я.

– Сколько я здесь живу, всегда, – отвечает она без раздумий, – мы все тут сами делаем. И вроде бы справляемся, но сырость и холод – это беда, которую нам не победить.

– Почему никто не чинит?

Она едва усмехается:

– А кому мы нужны? Тут только один старый печник на весь город. И тот говорит: «Пока трубы греют хоть как-то, ничего чинить не стану. Работающее чинить – только портить!».

– Но можно же... попросить?

– Нам запрещено. Всё должно идти через Джозетту.

Ухх! До чего она меня начинает бесить эта Джозетта, просто местный божок какой-то! Установила власть, да только во вред ей пользуется, нет чтоб отопление чинить, они чаепития устраивают.

Если отопление слабое и сырость, вот и болеют несчастные обитательницы приюта.

И что с этим делать, я пока ума не приложу.

Но на следующий день меня ждет новое испытание. Неожданное и неприятное. Визит моей сестрицы Амелии. В отличие от маменьки, она не брезгает зайти внутрь приюта, но, судя по всему, лишь для того, чтобы убедиться, что слухи не врут, и тут действительно ужасно.

– Добрый день, моя дорогая! – заявляет она с порога. – Рада видеть свою любимую сестричку?

Мысленно благодарю её, что мне пришлось ломать голову, кто это вообще такая. Хотя некоторое сходство с маменькой имеется.

– Ох, какие у вас тут запахи! – жалуется она, жеманно морща носик, – бедные изгнанницы, сложно наверно выживать в таких условиях?

При этом она, конечно, выглядит так, словно пришла на балный зал, а не в приют для несчастных женщин.

Дорогой дорожный плащ, нарядные туфельки со сверкающими пряжками, неуместно пышное платье. Волосы уложены идеальными волнами, а глаза полны торжества.

– Сестрёнка... – голос её капает мёдом, но я чувствую жало. – Ты отлично выглядишь. Тебе даже идёт этот печальный серый и простое платье.

Я смотрю на неё спокойно, хоть она и скоро лопнет от ощущения превосходства.

И даже мое молчание не может прекратить ее поток болтовни:

– Думаю, ты должна быть рада за меня, у меня теперь лучшие в королевстве платья. Артур приказал отдать твою спальню мне. Я собираюсь сделать в ней грандиозную перестановку, обтянуть все шелками...

Перебиваю ее стрекотание, с трудом вспоминая имя, как её маменька называла – Амелия? Амелия? Наугад спрашиваю:

– Амелия, дорогая, а не подскажешь ли, ты уже замужем?

Она сразу замолкает, сверкает глазами и поджимает губы. Зацепило все-таки.

– Что за глупость, Камелия? – произносит она недовольно, – быть невестой герцога уже невероятно почётно! И я, в отличие от тебя, эти почести не посрамлю!

– Значит, всё еще не жена, – уточняю я с самым невинным видом.

– Камелия! Подготовка к свадьбе может идти полгода или даже год, а может и больше! Будто ты не знаешь! Всё должно быть идеально! Это не твоя скоропалительная свадьба! – фыркает она. – Герцога тянет ко мне!

Вот так заявление, я удивленно смотрю на сестрицу.

– Что ж, если его так тянет, зачем ему медлить? Препятствий ведь больше нет!

Девочки и небольшой подарок – промики для истории Касии Рин
"Служанка Генерал-Дракона"

H95qsmns
zmaemozT

Глава 11

Я вижу, как лицо сестры настоящей Камелии искажается гримасой отвращения и она зачем-то лезет в мешочек, исполняющий здесь по всей видимости роль сумочки.

Невольно делаю шаг назад, хотя в этом мире перцовый баллончик вряд ли уже изобрели, и настороженно смотрю на девушку передо мной.

К огромному изумлению, она просто достаёт свёрток и бросает его на ближайший стол.

— Если бы не поручение герцога, — выдыхает она с яростью. — Я бы разорвала это послание и не зашла бы даже сюда.

— Ты для него ещё и посыльная, — не могу сдержать колкого замечания, хоть это и низко опускаться до её же методов.

Однако при одном лишь виде сестры Камелии у меня клоочет ярость в глубине души. Как она могла вообще так поступить по отношению к своей старшей замужней сестре? В голове не укладывается. И ведь ни слова не слышно о том, что ей нравится Артур. Зато титул герцога звучит явно чаще, чем следовало бы.

От моих слов её лицо багровеет, внешний вид знатной леди растворяется в потоке ярости. Амелия стремительно подходит к столу, куда бросила свиток и начинает рвать его, даже не сломав печати.

Кусочки плотной бумаги опадают на пол словно опавшие листья, а моя не дорогая сестра удаляется из помещения с блеском превосходства в глазах и высоко вздёрнутым носиком.

Я из чистого любопытства решаю посмотреть, что же было в том письме, да и разбросанную бумагу убрать и выкинуть нужно, и замираю, читая заголовок сия документа.

Меня невольно пробирает смех.

Официальное уведомление о разводе по обоюдному согласию, которое я должна была подписать лично и отправить по всей видимости своему всё ещё мужу.

От смеха с ресниц слетает пара капелек слёз. Молодец, сестрёнка. Сама свою же свадьбу и откладываешь. Интересно, почему герцог отправил именно её?

Судя по реакции, Амелия явно не знала, что в свёртке. А господин Артур всё ещё мой муж.

— Госпожа Камелия? — слышу рядом голос Аниты и тут же на него оборачиваюсь. — Всё в порядке?

— Да вот просто... Мне уведомление о разводе подписать нужно было, а моя сестра его сама же и разорвала. А ведь именно она желает стать женой моего мужа.

— Как же жаль! — искренне всплескивает руками и бросается на пол собирать обрывки. — Печать пострадала, — с ужасным сожалением в голосе произносит она. — А сколько вы за неё заплатили? Да так быстро...

— Нисколько, — удивлённо произношу я, откровенно не понимая её вопроса.

— Но как же... Мужья за развод просят определённую сумму. Мой вот запросил пять золотых, хотя сам при свадьбе моему отцу заплатил только три. Так ещё и приют всегда ставит условие заплатить ему столько же за содержание.

— Но я думала, что все здесь уже официально разведены, — поражённая такой новостью, я застываю. — Подожди, а что же мужа?

— Если в течение полугода жена находится не при муже, то он имеет право взять вторую жену.

И тут до меня доходит вся жестокая правда этой ситуации. И слова мачехи об отказе от имени, видимо она решила предупредить заранее, чтобы я добровольно подписала этот документ.

И о том, почему девушка не может даже в семью вернуться. Все они застряли в подвешенном неопределённом состоянии, в котором уже не жена, но ещё не свободная женщина.

— А что, если мы сами выкупим эту свободу? — вдруг меня посещает до простоты гениальная идея.

— Откуда же? — Анита тревожно смотрит на меня. — Вот муж леди Норвиль затребовал сорок золотых, а это значит, что и приюту она должна ещё столько же.

— А если мой муж не спросит с меня ни монеты, сколько спросит приют?

— Я не знаю, — девушка совсем теряется. — Такого на моей памяти ещё не было ни разу. Но считается, что если из такого места девушку забирает возлюбленный, так он доказывает силу своих чувств к ней.

И они конечно же этих возлюбленных никогда не найдут, сидя взаперти и с единственной возможностью выйти отсюда лишь для закупки печенья и чая.

— У нас любимых есть лишь мы сами. С этим точно нужно что-то решать, — твёрдо объявляю я и осторожно беру Аниту за плечи. — Ты разве не хочешь помочь своему отцу и скорее выйти отсюда?

— Хочу, — кивает девушка, всё ещё глядя на меня непонимающим взглядом. — Только вот как... Мой муж присылает мне гроши. Я едва могу исполнить обязательные требования одного чаепития раз в месяц.

— Мы что-нибудь придумаем, — киваю я. — А сейчас, можешь мне помочь? Нам нужно просушить стены, прежде чем избавляться от плесени. А для этого потребуется сильнее топить несколько дней.

— Помогу. Но я очень сомневаюсь, что старик Гильом согласится нам помогать, он один внуку воспитывает, а леди Джозетта выгонит его, если послушается её приказа.

— В таком случае нам просто нужен один весомый аргумент. Проводи меня к нему, пожалуйста.

Глава 12

Хорошо всё-таки, что Анита согласилась меня проводить, одна бы я дорогу к котельной никогда не нашла.

Сначала мы идем по обычному коридору, потом ныряем в неприметную дверь, которая к тому прикрыта потрепанным гобеленом. За ней открывается другой коридор: темный и сырой, словно мы в каком-то заброшенном здании, а не “приличном учреждении для знатных леди”

С каждым шагом во мне все больше поднимается злость: как можно держать несчастных женщин в таких условиях и делать вид, что это благородное дело?

Анита идёт на полшага впереди, оборачивается и вздрагивает от каждого звука, словно боится, что нас кто-то увидит.

– Здесь почти никто не ходит, – поясняет она, указывая на дверь в углу, – Только Гильом. Он... он не любит гостей.

– Мы будем очень вежливы, – улыбаюсь я в ответ, – и убедительны.

Котельная встречает нас запахами угля, едкого дыма и влажности. В самой середине установлена огромная печь, от неё идет слабое тепло, едва ощутимое, такое же жалкое и неправдоподобное, как и попытки приюта выглядеть приличным местом.

У массивной двери печки на низком стульчике сидит седой мужчина. Он поднимает глаза на нас, привлеченный стуком двери, закрывшейся за нами с громким хлопком, на его лице мелькает раздражённое удивление.

– Чего вам? – произносит он недовольно, – сюда леди не ходят.

– И вам добрый день! – отвечаю я, проигнорировав его замечание. – Меня зовут Камелия Грейхем.

Он хмыкает, бурчит под нос, но нам с Анитой прекрасно слышно каждое слово:

– Вот еще не хватало герцогской жены под ногами!

– Уже почти бывшей, – поправляю его спокойно, – но я не за тем сюда шла, чтоб мой статус обсуждать. Кто мой почти уже бывший муж совсем сейчас не важно!

Гильом щурится, с любопытством разглядывая меня, будто решая, сразу меня выгнать или дать шанс пару слов сказать, все-таки такой настойчивости не каждый день увидишь.

Я делаю вид, что не замечаю его раздумий или недовольства и подхожу ближе к печке, разглядывая её.

– Она вроде бы не такая и старая, чтоб плохо гнать воздух, – говорю я ему, словно оцениваю машину перед покупкой. – Почему же тогда в комнатах холодно.

– А это не ваше дело, уважаемая леди Грей-как-вас-там? Грейхем!

– Вот теперь как раз моё! – восклицаю я горячо, – в моей комнате плесень на стене, и без нормального прогрева ее не вывести. Надо высушить хорошенько...

Одна бровь старика медно ползёт вверх.

– Откуда вам известно?

– В местах похуже бывала! – в этот момент в моей памяти всплывают мокрые стены бабушкиной дачи после паводка.

У старика глаза на лоб лезут, да только мне все равно. Главное – своего добиться, а уж потом “приличия” – те, что не позволяют дамам разбираться в том, как бороться с плесенью.

– Здание нужно протопить посильней, несколько дней, чтоб стены просохли и тогда лечение даст толк.

Гильом фыркает, но я успеваю, что в его взгляде успевает мелькнуть тень уважения:

– Умная что ли? – спрашивает он хоть и невежливо, но беззлобно.

– Да! – отвечаю не тая, подмигиваю ему, – Но это опять же не по сути. Главный вопрос вот в чём: можете ли вы топить сильнее?

С него мигом слетает вся легкость, что вдруг образовалась между нами. Он резко мотает головой.

– Э, нет! Я себе не враг! Приказ Джозетты – экономить уголь! Зима длинная. Если сделаю по-другому, она меня точно выгонит!

Вместо ответа я достаю маленький свой мешочек и вынимаю оттуда серебряную монету. От золотой старика мог бы хватить удар. Серебро тихо звякает, когда я кладу монету на угол стола, стоящего неподалеку от печки.

Гильом замирает.

– Это на неделю, – Говорю мягко, – Если прогреете сильнее до наступления холодов.

Он смотрит на монету неверящим взглядом, словно давно такого не видел, затем переводит взгляд на меня.

– Ваша светлость хочет, чтоб я нарушил приказ?

– Я хочу избавиться от плесени! Хочу, чтобы в приюте женщины не болели и не умирали. А вы просто делаете свою работу. Тут на уголь хватит на неделю точно. А может и побольше.

Старик цокает языком, качает головой, но взгляд его меняется.

– Еще будет? – спрашивает наконец решившись.

– Будет, – обещаю я. – Но небольшими частями, так, чтобы вы не спешили тратить, а я не осталась без защиты.

Гильом вдруг хрипло смеётся:

– Хитрая ты!

– Опыт! – равнодушно пожимаю я плечами.

Он хватает монету двумя руками, вертит ее, пробует на зуб и просматривает на свет, словно боится, что сейчас она исчезнет.

– Ладно! Будет тебе прогрев! – соглашается наконец.

Анита, стоявшая в дверях, и про которую мы почти забыли в пылу наших переговоров, потрясенно ахает. Она похоже никогда не слышала, что кто-то может просто так договориться со старым Гильомом.

Я же протягиваю ему руку:

– Спасибо большое! Очень ценю, что вы согласились.

Старик несколько секунд стоит в недоумении, а потом всё ж решается пожать её.

В то время как Анита, уже не в силах справляться со своим волнением, тянет меня за юбку к дверям:

– Камелия! Нам пора, пошли скорей! Пока никто не хватился.

Мы выходим из котельной, и коридоры больше не кажутся мне такими узкими и темными. Может быть, всё дело в том, что внутри у меня расправляет слабые тонкие крылышки надежда на лучшее? А может быть, мне просто приятно думать о том, что спать мы будем в тепле.

Глава 13

Анита, всё ещё не в силах справиться со своим волнением, тянет меня за рукав от дверей котельной.

— Камелия! Нам пора, пошли скорей! Пока никто не хватился.

Её пальцы слегка дрожат, и я понимаю, что для неё эта вылазка и мой разговор с Гильомом – настоящее приключение, граничащее с мятежом.

— Спасибо, что пошла со мной, — говорю я, когда мы выбираемся в знакомую, пусть и потрёпанную, часть коридора. — Я бы одна дорогу ни за что не нашла.

— Я я рада, что смогла помочь, — она смотрит на меня с лёгким изумлением, словно привыкла, что её помощь никому не нужна. — Вы... вы так с ним разговаривали. Как будто он не печник, а важный господин.

— Он и есть важный господин, — пожимаю я плечами. — От него сейчас зависит, будем ли мы спать в сырости или в тепле. Таких людей нужно уважать. А иногда и оплачивать их уважение к нам. И ещё можно на “ты”.

Она кивает задумавшись. Мы проходим мимо высоких арочных дверей, и я замедляю шаг.

— Это библиотека? — интересуюсь я, высматривая укромные уголки этого места.

— Да. Но там не очень уютно.

— Всё познаётся в сравнении, — улыбаюсь я и толкаю тяжёлую дверь, а Анита робко следует за мной.

— Джозетта говорит, что здесь мы находим утешение, — тихо произносит она.

— В смирении или в несбыточных мечтах? — не удерживаюсь я от колкости, проводя пальцем по потёртому золочённому тиснению на одном из романов. «Сердце дракона». Иронично.

Внезапно я замечаю, что Анита замирает у одной из полок и с нежностью смотрит на особенно потрёпанный томик в синем переплёте.

— Это твоя любимая? — спрашиваю я мягче.

Она вздрагивает, словно пойманная на чём-то запретном, и кивает.

— «Песнь лунного света». Здесь все девушки её по десять раз перечитали. О принце, который находит потерянную принцессу и, ну, вы знаете.

Догадываюсь. Но глядя на её глаза, в которых на мгновение вспыхнул огонёк, я понимаю, что для неё это не просто сказка. Это глоток воздуха.

— Расскажешь мне её? — вдруг прошу я. — Я многое забыла после падения с лестницы. А слушать, как кто-то рассказывает историю, куда приятнее, чем читать проповеди о смирении.

Глаза Аниты округляются от удивления, а затем в них загорается настоящий, живой свет.

— Конечно! — восклицает она. — О, это самая прекрасная история на свете!

Мы устраиваемся на подоконнике, и она начинает рассказывать. Её голос тихий, но полон эмоций. Я закрываю глаза и слушаю не столько сказку о принце и принцессе, сколько звук дружбы, который я уже и не надеялась здесь услышать.

Когда мы наконец выходим из библиотеки, в коридорах уже горят вечерние светильники. На душе у меня необычно и тепло, и спокойно. Наверное впервые в этом мире.

Словно по мановению волшебной палочки, в приюте становится ощутимо теплее уже на следующий день. Я чувствую это, едва проснувшись. Влажный, промозглый холод, въевшийся в стены, отступает, уступая место ровному теплу, растекающемуся внутри стен приюта, словно по огромному живому организму. Моё сердце поёт от этого простого, но такого важного достижения. Первый шаг сделан.

Теперь нужно сделать второй. Самый грязный и самый очевидный.

После завтрака, который я проглатываю почти не глядя, я отправляюсь в свою комнату за холщовой сумкой и достаю оттуда щётку с жёсткой щетиной и свёрток с тряпками, купленными в городской лавке. В кармане платья лежат два маленьких мешочка: с содой и с той самой красной Своеженицей.

Развожу в ведре тёплой воды раствор. Щепотка Своеженицы, как и велела мудрая торговка, чтобы не окрасить стены в багровый цвет. Горсть соды. Вода мутнеет, но остаётся прозрачной. Беру первую тряпку, самую грубую, окунаю и, сделав глубокий вдох, приступаю к делу.

Я старательно счищаю с поверхности стен своей комнаты тонкие прожилки плесени. Это, конечно, не самое приятное занятие, но оно действует на меня невероятно удовлетворяюще. Каждый смытый участок для меня словно маленькая победа. Я так увлекаюсь, что не слышу приближающихся шагов. Не замечаю, как в коридоре тишина сменяется тихим шепотом.

— Леди Камелия? Что это вы делаете? — Голос леди Норвиль разносится по моей комнате, доносясь из-за открытой двери. Та самая дама, муж которой за свободу просит сорок золотых.

В коридоре стоит она сама с идеальной осанкой и холодным взглядом, а за её спиной я замечаю в приглушённом свете ещё несколько обитательниц приюта. На их лицах читается смесь ужаса, брезгливости и самого настоящего осуждения.

— Я борюсь с плесенью, леди Норвиль, — отвечаю я как можно спокойнее, хотя внутри всё закипает от того, что они вот так смеют открывать двери в мою комнату. — Как и говорила. С помощью соды и трав.

Одна из её идеально выщипанных бровей ползёт вверх.

— Как трогательно. Прямо ангел-хранитель нашего скромного пристанища. Однако, позвольте заметить, даже ангелы не пачкают свои ризы. Есть определённые границы, которые леди переступать не должна. Максимум, что мы можем, это пройти по полу влажной тряпочкой. Со смирением. А не вгрызаться в стены с таким дикарским рвением. Это выглядит отчаянно. А отчаяние так неблагородно.

Она делает лёгкий, изящный жест рукой, будто отгоняя неприятный запах.

— Вы только посмотрите на себя. Руки. Платье. Выставлять это на всеобщее обозрение... Неужели вы не думаете о том, какой пример подаёте другим нашим сёстрам? Они и так сломлены. А вы предлагаете им опуститься ещё ниже?

От её слов воздух словно становится гуще, а девушки за спиной дамы едва слышно перешептываются, осуждая меня за неподобающий вид.

— Я предлагаю им дышать, — отвечаю я не слишком громко, дабы не нарушать эти странные границы приличия, ради соблюдения которых они готовы жертвовать своими жизнями. — Дышать, а не медленно задышаться и бесконечно болеть. Скоро зима. И ни одна из вас даже не задумывается о том, как её пережить.

— Границы, дорогая, — она мягко улыбается, но в этой улыбке я чувствую некое предупреждение, — это всё, что у нас осталось. Последний оплот. И вы так яростно его подрываете. Ради чего? Чистого угла в комнате, которую всё равно никогда не увидит ни один приличный человек?

Глава 14

Леди Норвиль замирает в дверях, словно мраморная статуя, и смотрит на меня так, будто я только что свалилась в лужу и вымазалась в грязи на глазах у всего высшего света. Остальные дамы, собравшиеся позади неё, быстро растекаются вокруг ее силуэта, будто какая-то жидкость занимают всё свободное пространство, лишь бы лучше видеть сцену.

В воздухе повисает осуждение. Густое, словно пар от кипящего бульона, невозможно не вдохнуть или не заметить.

– Леди, дорогая, – она манерно касается кончиками пальцев вышитого воротничка своего платья, – леди не должны так ... усердствовать. Это некрасиво и недостойно!

Её голос звучит для меня словно холодный сквозняк. хочется поежиться. А еще больше – закрыть дверь и больше не впускать. Я на секунду закрываю глаза и делаю вдох, приказываю себе выпрямить спину и не чихать. Запах соды и Своеженицы щекочет нос, но я держусь.

– Эти правила, леди Норвиль, – произношу я как можно чётче, – не сделают воздух в приюте суше. И не спасут вас от сырости, которая уже въелась в стены и проросла плесенью. Боюсь, что она затронула и мебель, и матрасы, и одежду, и ... вас самих.

По дамам словно слабый ветер прокатывается среди сухих листьев, все разом начинают шептаться между собой.

– Да как вы смеете такое говорить? – фальцетом взвизгивает дородная дама, имя которой я не запомнила еще.

– Я смею говорить, потому что хочу здесь жить, а не помирать понемногу, – говорю я и бросаю демонстративно тряпку в ведро, а потом также демонстративно отжимая её, что вода с розоватым оттенком громко плещется в гробовой тишине.

Вообще, наверняка, я могла остановиться на фразе “хочу здесь жить”, произвела бы уже ей фурор, но меня не остановить:

– Считайте меня дикаркой. Но ваша изысканность не высушит стены и прогреет трубы! Несколько девушек быстро отводят глаза, леди Норвиль поджигает губы.

И тут я чувствую, что язык мой меня подвёл! Я точно сказала лишнее.

– Трубы? – переспрашивает одна, – вы заметили кстати, что трубы прогрелись?

– И правда, – шепчет другая, – сегодня с утра было намного теплее, чем обычно.

Вот дьявол! Чёрт-чёрт-чёрт!

– Хотите сказать, что это тоже ваших рук дело? – моя оппонентка презрительно кривит лицо, словно ей даже мысль об этом неприятна и вызывает рези в животе.

– Это лишь ваше воображение, – говорю я, стараясь, чтоб голос звучал твёрдо и убедительно. – Что-то вы приписываете моим действиям, что-то случает. Но знаете что? Если хотите поверить, что всё само собой исправится – верьте! Так проще всего. Только бесполезнее.

Она замолкает и делает шаг назад. А я понимаю, что она не нашла за что меня укусить.

– Прошу покинуть мою комнату, – добавляю я спокойным тоном, но холодным тоном, по которому они сразу должны понять, что роль жертвы точно не для меня, – Если хотите следить за моей работой, позову вас, как всё закончу. Если хотите ругать, делайте это у себя в комнате. А укачивать мне, как жить и что делать, точно не стоит вообще.

Леди Норвиль открывает рот.

Закрывает.

Разворачивается и уходит. Ее свита рассыпается вслед за ней.

Я погружаюсь в работу, но ненадолго, потому что через несколько минут меня окликают голос:

– Леди Камелия, вы не должны были так...

В дверях стоит Анита, прижав руки к груди, глаза расширены. Смотрит на меня с какой-то странной смесью восхищения и тревоги.

Входит в мою комнату, аккуратно притворяя за собой дверь. Какое-то время смотрит на то, что я делаю, не осуждает, но и не бросается помогать. Ну что ж, всему свое время наверное.

– Как думаешь, донесут? – спустя несколько минут молчания спрашиваю я то, что меня саму гложет.

– Не знаю, – вздыхает она. – Могут донести. Они точно почувствовали, что стало теплее. И это их... напугало, понимаете? Здесь все боятся перемен, особенно тех, что делают другие.

Киваю. Это я уже поняла.

В голову приходит неожиданная мысль, и я решаю её проверить.

– Анита, – тихо говорю я, – скажи, а ты не знаешь, почему Джозетта не хочет топить приют нормально? она же сама здесь живет? Неужели ей нравится жить в сырости и холоде?

Моя новая знакомая топчется на месте, потупив глаза, но все-таки решается и произносит:

– У леди Джозетты в комнате свой камин. Его топят независимо от всего остального здания. И там всегда тепло. И сухо. – Анита понижает голос почти до шёпота, словно боится, что даже у стен есть уши, – И она часто не ночует в приюте. Уезжает домой. у нее свой домик есть... А нам говорит “дела в городе” и уезжает, вы же понимаете?

“О, да! Я понимаю! Еще как понимаю” – думаю я.

В голове складывается не слишком приятная картина. Джозетта экономит уголь и дрова не ради приюта, раз в ее комнате всегда натоплено. Это её личная экономия.

Так вот в чем дело! Жадность, прикрытая под вуаль благотворительности и заботы об изгнанных жёнах.

И всем ведь всё равно. Даже сами обитательницы приюта с радостью поддерживают порядки, установленные его хозяйкой! А их бывшие мужья, похоже, тоже не сильно сокрушаются от того, как тут всё устроено, а может быть, просто не интересуются этим. Изгнали и изгнали! Кто их знает, драконов этих?

Глава 15

Тишина после ухода леди Норвиль кажется звенящей. Я стою, опершись о спинку стула, и стараюсь перевести дух. Битва окончена, но дрожь в коленях никуда не делась.

— Зачем ты это делаешь? — слышу я тихий голос Аниты. — Они всё равно не оценят. Будут лишь презирать сильнее.

Я смотрю на ведро с водой, где плавают тёмные хлопья смывой плесени.

— Потому что я не понимаю, Анита, честно не понимаю. Почему все так цепляются за то, что их убивает?

Я опускаюсь на край своей кровати, вдруг ощущая всю тяжесть утраты сил. Пауза затягивается, и я осознаю, что не могу просто отмахнуться. Она заслужила объяснение.

— Ты видела эти стены? — начинаю я, глядя на только что отмытый, чистый участок камня. — Эта зелень... она не просто уродлива. Она живёт. Дышит. Она прорастает в лёгкие, очень тихо, по крупинке. Она вызывает кашель, который не проходит. Появляется слабость, которая становится нормой. Она высасывает жизнь, пока ты думаешь, что просто неважно себя чувствуешь, — я замолкаю, подбирая слова. — От этого умирают. Не сразу, не ярко. Тихо. Словно свеча на сквозняке. И здесь все вокруг делают вид, что так и надо. Что это естественный ход вещей для тех, кого бросили.

Анита молча слушает, её глаза не отрываются от моего лица, но она так и не решается ничего произнести.

— Я не хочу так, — мой голос звучит тише, но твёрже. — Я не хочу, чтобы кто-то здесь так умирал. И уж тем более я сама. Бороться с этой гнилью это не значит опуститься. Это значит поднять голову, чтобы заявить: “Я здесь, я жива, и я не позволю этому месту меня съесть”. Каждый чистый квадрат стены это мой акт сопротивления установленным правилам, которые только вредят. Понимаешь?

Она медленно переводит взгляд на ведро с раствором, на щётку, на мои испачканные руки. В её глазах что-то меняется. Страх отступает, уступая место медленному, трудному осмыслению.

— Никто никогда не говорил об этом вот так, — произносит она наконец. — Все только и твердят о смирении и приличиях. А то, что мы болеем это как будто само собой разумеется. Наказание за неудачное замужество.

— Это не наказание, — возражаю я, чувствуя как внутри вспыхивает огонёк злости с новой силой. — Это халатность. И равнодушие. И мы имеем полное право это изменить. Пусть даже своими руками.

На этом разговор наш заканчивается. Я не уверена, что Анита всецело мне верит, но всё же рада такому союзнику. Весь день я провожу тщательную уборку, внимательно осматривая каждый кусочек стен, двигая мебель и избавляясь от злосчастного вредителя.

На следующее утро я просыпаюсь с неожиданно лёгким сердцем. Несмотря на вчерашний скандал, а может быть, и благодаря ему, я чувствую, что сделала ещё один шаг.

Мы с Анитой завтракаем вместе, и она уже не шёпотом, а вполголоса делится последними новостями. Рассказывает мне о том, кто что сказал, кто возмущается, а кто, наоборот, втайне одобряет эту затею. Вдруг на пороге столовой появляется Джозетта.

— Леди Камелия, к вам опять почтенная гостья, — произносит она сладким, ядовитым тоном. — Уж не намерены ли вы открыть у нас салон для приема визитов в приёмной?

Сердце на мгновение замирает. Неужели мачеха? Или Амелия, жаждущая реванша? С тяжелым предчувствием я выхожу в коридор.

В убогой приёмной, у единственного пыльного окна, стоит знакомая фигура в тёмном платье и белом чепце. При виде меня лицо Киры озаряется такой искренней, сияющей улыбкой, что на душе сразу становится светлее.

— Леди Камелия! — она делает реверанс, но я тут же подхожу и беру ее за руки.

— Кира, какая неожиданность! Всё в порядке?

— Всё сложно, госпожа, — она понижает голос, ее глаза блестят от возбуждения. —

После того визита к вам леди Амелия, когда она поняла, что именно порвала, то рыдала в комнате два дня. Герцог говорит, что раз уж так вышло, то он не будет нарушать закон и подождёт положенный срок! — с восторгом шепчет Кира. — А леди Амелия плачет, кричит, что это заговор, что вы всё подстроили! Она говорит, что если бы вы подписали свиток тогда, в тот же день, господин Артур мог бы жениться на ней как на единственной жене в любое время! А теперь он и не думает этого делать!

— Господин Грэйхем велел передать лично в руки, — Кира суёт мне в руки новый, плотно свёрнутый свиток, а я теряюсь от непонимания.

Ведь только что она сказала, что он не собирается в ближайшее время брать в жёны Амелию, и ведь не может, пока срок моего пребывания в приюте не достигнет полугода. Только тогда дракон в праве взять себе вторую жену без развода с первой.

Мы говорим ещё совсем недолго. Кира спешно рассказывает о жизни в замке, о том, как Амелия пытается копировать мои манеры и терпит фиаско, о том, что герцог стал ещё мрачнее. Я слушаю вполуха, чувствуя, как свиток в моей руке жжёт пальцы.

Но она всё же уезжает, и я остаюсь одна в тишине своего заточения. Наедине со зловещим свитком из плотной бумаги и уже знакомой мне гербовой печатью господина Грэйхема.

Наконец, с глубоким вдохом, я ломаю печать и разворачиваю пергамент.

И замираю.

“Камелия,

До меня дошли слухи о твоём активном обустройстве на новом месте. Вероятно, условия содержания не столь плачевны, как о том говорят, и твоё рвение продиктовано избытком энергии, а не отчаянием.

Сообщение, переданное с моей невестой, не было тобой получено. Новое пока побудет у меня.

Я желаю лично удостовериться, что твоё положение соответствует твоему статусу. Мы встретимся, когда я разберусь с делами.

Артур Грэйхем”

Глава 16

И что мне теперь с этим делать? Я совершенно не понимаю, как реагировать на это письмо. И зачем почтенный супруг Камелии послал письмо со служанкой? Еще и сам приехать собирается. Спрашивается – зачем? При том, что бумаги на развод не передал.

Что это всё значит?

В голове множество вопросов рождается, но все остаются без ответа.

Задумчиво подхожу к окну. Хоть и приходится приложить немалые усилия, но в итоге распахиваю рамы. Старые, перекошенные, они с трудом поддаются, впускают в комнату свежий осенний воздух.

Вдыхаю его полной грудью.

А еще вижу, как со двора приюта, запряженная парой лошадей, выезжает карета с гербом герцога Грейхема.

Надо же, как интересно, герцог отправил служанку в собственной карете. Может, конечно, это у них тут заведено так. Но что-то мне подсказывает, что не так всё просто. Надо будет разузнать у Киры при случае, если она снова как-нибудь придет ко мне.

Мои мысли прерывает внезапное появление на пороге моей комнаты Джозетты, чтоб она была неладна! Что за талант появляться, когда ты совсем не нужен?

Но она уже стоит на пороге, деваться некуда.

Из-за того, что она толчком распахивает дверь, легкие шторы на окнах взмывают вверх чуть ли не до потолка, а сама дверь захлопывается за ее спиной резко и гулко, заставляя Джозетту вздрогнуть.

Одета она в платье с множеством рюшей и оборок, словно они могут сделать ее милей. Зато выражение лица неизменно такое, от какого даже у каменной статуи зачесалась бы спина.

За леди Джозеттой комнату заполняет вполне осязаемый шлейф из злости и надушенной сладости одновременно.

– Леди Камелия, – произносит она так, будто “леди” – это оскорбление. – До меня дошли весьма любопытные слухи.

– Правда? – спрашиваю я самым невинным тоном, на который способна. – А я думала, что истинные леди никогда не опускаются до веры слухам.

Джозетта багровеет, мне даже на минуту кажется, что сейчас пар у неё из ушей пойдет. Но она быстро берет себя в руки, и делает вид, что я ничего не говорила, а она ничего не слышала.

– Так вот некоторые обительницы нашего гостеприимного приюта утверждают, что вы ... моете стены!

Она делает паузу. Вероятно, во время которой я должна была по её мнению или разразиться слезами, утверждая, что всё это – пустые наговоры или, что еще лучше, упасть в обморок.

Но я, конечно же, ничего из этого не делаю.

– Моете. Стены! – повторяет она таким тоном, будто я поймана на людоедстве.

– Верно, – отвечаю я. – Стены были покрыты плесенью. Я лишь хочу от нее избавиться и всё. В приюте стало теплей, так что всё должно подсохнуть.

И сразу понимаю – не стоило этого говорить. Её глаза, вечно полуприкрытые и ленивотяжёлые, вдруг поднимаются на меня резко, точно у кобры, что почуяла движение и готовится к броску.

– Стало теплее, – медленно повторяет она, – это точно. Очень показательно, что этот странный погодный сюрприз совпал с вашим приездом. Даже окна открываете!

Мне хочется закатить глаза. Она всегда найдет в чем меня обвинить. Но сейчас мне не до её обвинений. В конце концов, окно можно и закрыть, что я и делаю.

Чувствую, как по спине пробегает холодок от её взгляда. Пытаюсь немного сгладить впечатление от своих слов:

– Возможно, это просто благоприятная погода, которая готова мне помочь избавиться от плесени.

– Погода, да, благоприятствует, – деланно мурлычет она, но я вижу, что уголок её рта дёргается, выдавая раздражение. И следующую фразу она чеканит словно суровый командир перед новобранцами: – Мне кажется, леди Камелия, вы слишком много на себя берете. Вам надо проявить больше смирения с вашим новым статусом!

И тут я совершаю куда большую ошибку. Слишком устаю от ее тона, от этого её взгляда свысока, от её манер, и от демонстрации бесконечного превосходства на фоне гниющих стен и умирающих обитательниц приюта.

Поэтому выдаю, не подумав, желая поскорей завершить этот неприятный разговор:

– В любом случае, я лишь привожу свою комнату в порядок перед визитом моего мужа. Других проживающих тут это никак не касается. Могу закрывать дверь, чтоб не смущать их мытьем стен.

Ох-х! Вот это я сказала. Глаза Джозетты расширяются буквально на долю секунды, но мне этого хватает. Она вскидывает подбородок, и вся её манерная злость мигом превращается в липкий страх и холодный расчёт.

На лице хозяйки приюта расплзается широчайшая улыбка, словно я ей сообщила невероятно радостную весть.

– Ваш ... муж? Герцог Грейхем? Сюда? С какой целью?

Пока она произносит эти слова, у меня внутри всё падает в пропасть.

Дура! Абсолютная дура! Зачем я это сказала?!

– Возможно, привезти прошение о разводе, чтобы я его подписала. – добавляю я осторожно и вежливо, но уже поздно.

Слова сказаны, и их уже не вернуть.

Улыбка Джозетты становится сладкой и очень, очень настороженной одновременно.

– Ах, как чудесно, что господин герцог не забывает о благополучии своей почти бывшей жены, даже сам готов ехать с прошением. Ох, как это мило, дорогая моя! – произносит она подчеркнуто нежно, чуть ли не поёт соловьём. – Тогда ваши старания совершенно, абсолютно оправданы!

Она делает реверанс такой глубокий, что я слышу, как трещит её корсет.

– Леди Камелия, вынуждена покинуть вас, хотя в другой бы раз с удовольствием поболтала. Но сейчас, увы, неотложные дела!

Последние слова она произносит уже перешагнув порог.

Уходит.

На этот раз не хлопает дверью, не шипит, не делает едких замечаний. Тихо исчезает в коридоре.

И именно эта тишина меня пугает сильнее её обычных ядовитых замечаний.

Зато утро начинается не с пения птиц, а с крика Джозетты, разносящегося по коридору:

– Скорей вставайте! Просыпайтесь!!!

Глава 17

Крик Джозетты пронзает утреннюю тишину, как гонг, вырывает из постели, заставляет сердце колотиться от испуга. Я выскакиваю в коридор, ещё не до конца проснувшись, и замираю.

Передо мной разворачивается сюрреалистичная картина. Джозетта, похожая на разгневанную матрону, расставляет по стенам бледных, испуганных женщин с вёдрами и тряпками в руках.

— Всем взять инвентарь! — её не слишком мелодичный голос пронзает утреннюю тишину, словно скрежет вилки по тарелке. — Гостиные, коридоры, кладовые! Каждый кусочек! Я хочу видеть стены, которые не посмеют покраснеть от стыда перед высоким гостем!

Её взгляд, острый как шило, находит меня и на её губах играет сладкая, ядовитая улыбка.

— И вы, конечно же, леди Камелия, присоединитесь. Это ведь ваша инициатива. Покажите пример.

Слова нашей надзирательницы звучат как приговор мне, но я не собираюсь показывать ни ей, ни остальным страха. Я молча подхожу к стопке вёдер и беру своё. Вода внутри уже мутная от разведённой соды. Рядом, на грубом деревянном подносе, лежат маленькие мешочки с алой Своеженицей.

Работа начинается в гробовой тишине, прерываемой лишь шлёпаньем тряпок и скрипом половиц.

Но я чувствую на своей спине жар их взглядов. Каждый взгляд — это их немой укор. Благодаря словам Джозетты, они считают меня виновницей этого принудительного труда.

И вот в самой большой гостиной, под высоким, заплесневевшим потолком, тишину разрывает леди Норвиль. Она не просто бросает свою тряпку в ведро. Она швыряет её с таким звонким всплеском, что все замирают.

— Это унижительно! — её голос дрожит от сдавленной ярости.

Я тут же заглядываю внутрь зала, где она стоит в самом центре выпрямившись во весь свой немалый рост, и её пальцы сжимаются в кулаки так, что костяшки белеют.

— Я не служанка! — Яростно выкрикивает женщина. — Я не буду, как последняя нищенка, ползать по этим стенам! Вы не имеете права требовать этого!

Джозетта появляется в дверях, как по волшебству. Она не спешит. Её лицо выражает лишь спокойную, ледяную учтивость.

— Вы совершенно правы, леди Норвиль, — произносит она медовым голосом. — Принуждать вас я, конечно, не могу. Это дело добровольное и богоугодное. Однако... — она делает театральную паузу, оглядывая зал, — ...гость, который к нам едет, ожидает определённого порядка. Тот, кто не готов участвовать в поддержании чести нашего скромного заведения, очевидно, не разделяет наших общих устремлений. А потому... таким особам, пожалуй, не стоит беспокоить себя выходами в город в течение всего этого месяца. Чтобы не отвлекаться от размышлений о собственном достоинстве. В тишине и уединении.

Воздух выходит из лёгких леди Норвиль со свистом. Её лицо из багрового становится пепельно-серым. Месяц взаперти. Месяц без даже призрачной возможности увидеть мир за стенами, без шанса купить ту самую ленточку или передать письмо.

Она молча, с ненавистью глядя на Джозетту, поднимает с пола свою тряпку. В её движениях больше нет прежней грации — только сломленная, яростная покорность. Она возвращается к стене и с таким остервенением начинает тереть заплесневелый угол, будто пытается стереть в порошок саму хозяйку приюта.

Работа идёт дальше, но напряжение теперь висит в воздухе плотнее сырости. Я мою свою часть стены, стараясь не встречаться ни с чьим взглядом.

Это я, своим неосторожным словом, запустила этот маховик унижений.

И тут из соседней маленькой гостиной раздаётся приглушённый, но отчётливый возглас: “О, милостивая Мать!”

Все замирают. Джозетта стремительно исчезает в дверном проёме, и через мгновение оттуда доносится её придушенная ругательство. Я следую за другими.

Картина, которая открывается, на миг выбивает у меня дыхание. Стена в углу комнаты... она не просто чистая. Она ярко-малиновая, с причудливыми, стекающими вниз разводами, будто по камню пролилось вино или... кровь. На полу стоит перевёрнутое ведро, из которого растекается лужа того же зловещего цвета. Рядом, в ужасе прижавшись к противоположной стене, стоит одна из самых молодых обительниц приюта, Элис. Её руки и передник тоже покрыты малиновыми пятнами.

— Я... я просто хотела, чтобы наверняка, — бормочет она, и слёзы катятся по её щекам, оставляя чистые полосы на испачканном лице. — Мешочек развязался... я нечаянно...

Джозетта молча смотрит на стену.

— Всё, — тихо, но так, что слышно всем, произносит она. — Все... свободны. Леди Камелия. — Она поворачивает ко мне своё бледное лицо. — Поскольку это вы являетесь экспертом по стенам... разберитесь с этим пятном.

Глава 18

Джозетта разворачивается и выходит из гостиной, посчитав, что проблема решена.

Запах сырости от мокрых стен, а еще запах свежей, горьковатой Своеженицы висит в воздухе, пробирается в легкие.

Вокруг меня звенящим кругом висит мёртвая тишина, девушки смотрят на меня осуждающе, будто я виновата и во всех их бедах, и в испорченной стене.

Стена в гостиной и вправду выглядит жутко, поверх серо-зеленых разводов плесени, теперь малиновые разводы.

– Что ж! – вздыхаю я, – значит решу и эту проблему!

Не оставляю себя времени на сомнения и сожаления, да и находиться под осуждающими взглядами других обительниц приюта очень неприятно. Распрямляю плечи и решительно направляюсь к комнате Джозетты. Скорей всего, она удалилась именно туда.

Мне хочется кричать от несправедливости, но я сдерживаюсь изо всех сил, скандалом тут ничего не добьешься. Аккуратно стучу в дверь.

– Войдите! – раздаётся тягучий, притворно-вежливый голос хозяйки.

Я открываю дверь и ступаю на порог комнаты, где Джозетта сидит за столом, перебирая бумаги. Поднимает на меня глаза, в которых арктические льдины колыхаются.

– Леди Камелия, чем обязана? – спрашивает меня удивлённо, как будто мы только что с ней не виделись и она меня не подрядила отмывать стену, испорченную благодаря стараниям юной Элис.

Решаю ей подыграть, хоть внутри все в яростный вихрь закручивается от возмущения. И я делаю реверанс.

– Мне необходимо срочно выйти в город, – говорю я ровно, – Нужно средство, которое поможет вывести пятна Своеженицы.

– Вот я так и знала, что будут проблемы от вашей затеи! – упрекает меня она. – Вы это заварили, вы и...

Не даю ей закончить свою мысль, которая и так понятно написана у нее на лице, перебиваю:

– Как скажете, леди Джозетта, – в моем голосе сплошное смирение. Потом подпускаю в него немного яда, самую малость, когда хлопая ресницами, вздыхаю: – Это ведь лучшая гостиная приюта, уверена, что мой пока еще муж выберет её при визите. Как жаль, что она останется в таком состоянии, ведь просто водой и мылом это не отмыть, как ни старайся.

Я отчаянно блефую. После более чем странных визитов моей маменьки и сестрицы, веры в то, что вдруг сам Артур пожалует, у меня нет ни капли.

Но на Джозетту действует не хуже заклинания. Её брови приподнимаются от пробудившегося интереса, я почти чувствую, как в её голове что-то щёлкает, когда она складывает два плюс два.

Она его боится! Безумно!

И теперь после вчерашнего признания, она воспринимает каждый свой шаг как подготовку к официальной проверке.

– Разумеется! – говорит она, поднимаясь. – Разумеется, я не могу препятствовать делу, столь важному для репутации и доброго имени нашего приюта.

Я почти выдыхаю с облегчением, но она заявляет, видимо желая оставить последнее слово за собой:

– Но вы не пойдете одна, леди Камелия.

Едва в ответ не закатываю глаза. Но держусь.

Вздрагиваю от неожиданного стука и звука распахивающейся двери. Мы обе оборачиваемся. В дверях стоит Элис. Она бледная, как полотно, сжимает свои руки в кулаки, как ребёнок, который решился на очень опасный подвиг.

– Вы подслушивали? – Вздвигается Джозетта.

Я не всё-таки не выдерживаю и закатываю глаза. Элис пунцовеет как листья клёна в октябре, сипло выдавливает:

– Нет... да... Не важно! Я... это я во всём виновата. И значит, я должна помочь исправить то, что натворила, – дрожащим голосом.

Джозетта переводит с нее взгляд на меня, потом обратно на неё, словно подозревает нас в тайном сговоре испортить стену с целью выбраться в город, но не находит ничего и медленно, хищно улыбается:

– Прекрасно! Идите вдвоём! Но поторапливайтесь! У нас всех очень много дел. Особенно у леди Камелии! – не может удержаться она от шпильки.

И только недюжинная сила воли может заставить меня промолчать.

Дорога до города уже знакомая, ветки деревьев смыкаются над нами, заслоняя свет солнца и погружая нас в довольно густую тень. Элис идёт рядом, тихая и молчаливая, несколько раз оглядывается боязливо по сторонам, словно боится, что кто-то посмеет её остановить или что она сама решилась выйти за забор приюта.

Но постепенно её плечи расправляются и даже дыхание становится легче. Будто обстановка приюта наконец отпускает её, перестаёт давить.

– Леди Камелия! – бормочет она, краснея. – Спасибо, что позволили мне пойти с вами.

– Я ничего тебе не позволяла, – улыбаюсь я ей, – это ты себе позволила пойти.

Она краснеет еще сильнее:

– Я бы одна ни за что не решилась. А вы такая сильная и смелая. не боитесь ничего!

Я жму плечами. Спорить с ней не хочется, но и соглашаться особо не с чем. Я ещё как боюсь, просто не намерена здесь сгинуть и готова за свою жизнь побороться.

Пару минут идём молча, пока я не решаюсь спросить её:

– Элис, а почему ты здесь?

Она вздрагивает и даже как будто сбивается с шага. А когда мне уже начинает казаться, что не ответит на мой вопрос, она произносит:

– Как и все. Была замужем за драконом. Но мне кажется... он сказал, что я слишком человечка для него. Он улетал, пропадал неделями, а я уговаривала его остаться, а потом ждала. Он сильный и смелый, а я... я... я боюсь высоты, и грозы, и его ярости. Он сказал, что жена не должна бояться. Что я слабая, недостойная...

Она совсем сникает. Еще немного и заплачет. Голос несчастной дрожит. Я быстренько меняю тему:

– Элис, я понимаю, ты недавно в приюте, но может быть, ты знаешь, давно его стены покрылись плесенью?

– Я точно не знаю, но слышала, как леди Норвиль говорила, что раньше такого не было.

Но больше ничего добавить не может, и мне приходится довольствоваться теми крохами информации, что у нее есть.

Хозяйка хозяйственной лавки, где я в прошлый раз брала Своеженицу, всплёскивает руками, когда слышит про малиновую стену:

– Ох, деточки, что же вы там устроили? Я же говорила: щепотку! Своеженица трава сильная! Ох-ох! – Качает она головой.

– Нам нужно это вывести, хотя бы немного, чтобы можно было закрасить. У меня только на вас надежда.

Торговка прищуривается, снова качая головой, но потом исчезает в кладовке и возвращается с баночкой, в которой что-то булькает.

– Вот, – протягивает она её мне. Это экстракт Цитарки. Но будьте внимательны, деточки! Если сделать неправильный раствор, то стены станут ярко-жёлтые! Нужно пять капель растворить в ведре воды, всего пять, не больше!

Я расплачиваюсь под извинения Элис, что хоть она и виновата в произошедшем, но купить не может ничего, в этом месяце её муж не прислал ей содержания.

А на обратном пути Элис неожиданно спрашивает меня:

– Леди Камелия, а правда, что ваш... что герцог Грейхем приедет?

– Очень сильно сомневаюсь, – отвечаю я без раздумий, пожимая плечами.

– Он же первый претендент на престол, наверное он очень сильно занят, – понимающе произносит она.

А вот я застываю, как вкопанная. Что-о-о?

Глава 19

Первый претендент на престол? Это осознание словно проникает под кожу с осенним воздухом, такое тяжелое и нелепое, как чугунная гиря на тонкой ветке. Я останавливаюсь так резко, что Элис невольно пугается.

— Что ты сказала? — с губ срывается какой-то чужой, странный чуть приглушённый голос.

Элис внезапно пугается из-за моей реакции ещё сильнее и, заикаясь, произносит:

— Я... я просто думала, вы знаете... Все ведь знают. Герцог Артур Грэйхем двоюродный брат короля. Самый близкий родственник по крови, раз у короля, а ведь он уже в возрасте, нет детей. Если что случится... он первый в очереди. Я думала, вас это... не удивит.

У меня подкашиваются ноги, в ушах шумит, словно я стою под водопадом. Все кусочки пазла с громким, мерзким щелчком встают на свои места.

Не просто дракон. Не просто влиятельный герцог. Будущий король. Возможный будущий король.

И мать Камелии, нет, моя мать в этом теле, подсунула ему сначала одну дочь, а потом, когда та “не справилась”, тут же втолкнула в его постель вторую. “Наш нежный цветочек”, Амелия. Это была не просто жадность до титула герцогини. Это была лотерея на королевскую корону. И они купили сразу два билета, чтобы увеличить шансы.

Меня передергивает. Волна тошноты подкатывает к горлу, горькой и густой. Я чувствую себя не женщиной, а разменной монетой, пешкой в гроссмейстерской партии, о правилах которой даже не догадывалась. Все эти годы Камелия провела рядом с человеком, чья жизнь это готовность, а может и желание, взойти на трон. И её заменили, как только представился шанс, ведь если у Артура не будет наследника, то его позиция будет такой же шаткой, как и у нынешнего короля, у которого уже наверняка осталось мало союзников.

— Леди Камелия? С вами всё в порядке? Вы белая как мел, — робкий голос Элис возвращает меня в реальность.

Я делаю глубокий, прерывистый вдох, мои лёгкие заполняет осенний холодный и чистый воздух.

— Всё в порядке, — говорю я, стряхивая невидимую пыль со своего платья. Ноги слушаются, но внутри все пусто и звонко, как в замороженном колоколе. — Просто освежила в памяти кое-какие детали.

Остаток пути до приюта мы молчим. Я возвращаюсь за высокие ворота с ощущением, что мир стал другим. Теперь я понимаю панический, заискивающий страх Джозетты. В её мирную, гнилую вотчину может пожаловать не просто обиженный муж. Может приехать человек, от одного слова которого зависит, будет ли этот приют существовать дальше. Он может сжечь его дотла одним приказом. Или, что страшнее для неё, начать задавать вопросы. Вопросы о содержании, о сырости, о золотых монетах.

Приют встречает нас гробовой, притворной тишиной. Работы прекращены. В длинном коридоре, ведущем к главной лестнице, томятся несколько обитательниц. Они перешептываются, но замолкают, когда мы проходим. Я чувствую их взгляды на своей спине словно шипы. Они не просто злятся из-за уборки. Они ненавидят меня за то беспокойство, которое я принесла в их затхлый, предсказуемый ад. За страх перед высшим гостем, который теперь висит и над ними.

Я прохожу мимо лестницы, мысли путаются, я пытаюсь собрать их в кучу, понять, что этот новый статус Артура меняет для меня сейчас.

И в этот момент всё происходит очень быстро.

Сверху, с пролёта между вторым и третьим этажом, раздаётся сдавленный смешок. Я инстинктивно поднимаю голову.

И на меня обрушивается ведро ледяной жидкости.

Она обжигающе холодная, пахнет травой и щёлоком, хлещет по лицу, заливает глаза, заливается за воротник. Я вскрикиваю, отшатываюсь, спотыкаюсь о собственную юбку и падаю на колени. Это не вода! Этот мерзкий раствор хлупает в ушах, стекает по шее.

— Ой, простите! Не удержала! — сверху доносится фальшиво-сладкий голос, который я не могу распознать из-за воды в ушах.

Вокруг раздаются приглушённые хихиканья, быстро стихающие. Я отчаянно тру глаза, пытаюсь протереть лицо мокрым рукавом. Зрение проясняется. Я смотрю на пол понимая, что лужа мутно-розового цвета. Я поднимаю руку и с ужасом вижу, что рукав платья пропитан тем же малиновым оттенком.

Тяжелые, мокрые пряди падают мне на плечи. Я хватаю одну, подношу к глазам.

Золотистый цвет исчез. На кончиках, на целых прядях, особенно с левой стороны, ярко, неистово горит малиновый цвет. Он впитался моментально, как чернила в промокашку.

Я сижу на коленях в луже розовой воды, с пучком малиновых волос в руке. Вокруг давящая, торжествующая тишина. Где-то хлопает дверь та, что с верхнего пролёта. Исполнительница скрылась.

Холод от воды сменяется другим холодом изнутри. Глухим, спокойным, яростным. Они не просто напакостили. Они испортили единственное, что невозможно спрятать, что всегда со мной. Мои волосы.

Я медленно поднимаюсь. Вода с меня течет, оставляя на каменном полу розоватые капли. Я не смотрю на притихшие фигуры в конце коридора. Я не произношу ни слова.

Я иду к своей комнате. Каждый шаг отдается во мне звонкой, чистой нотой гнева. Они думают, что унизили меня? Окрасили в цвет позора?

Я смотрю на малиновую прядь, прилипшую к мокрой щеке. Хорошо. Пусть видят. Пусть запомнят этот цвет.

Это цвет войны, которую они только что объявили. И я её принимаю.

Глава 20

Смотрю на себя в тусклое зеркало в своей комнате и какое-то время просто молчу. Золотистый цвет волос ушёл. Точнее, не ушёл, – спрятался. Верхние пряди, с обеих сторон горят насыщенным малиновым, как сок перезревшей ягоды. Концы локонов тоже словно обмакнули в краску, а затем в воду. Нижний слой волос остался светлым, но теперь это не солнечный оттенок спелой пшеницы, а словно лишь основа для оттенения дерзкой, нарочито яркой смеси всех оттенков малинового.

– Очень смешно, – произношу я тихо, не узнавая собственного голоса, – Прямо верх изысканного аристократического юмора.

Платье тоже намокло и всё в ярких потеках. Его нужно немедленно снимать.

Развязываю шнуровку, дрожа то ли от холода из-за мокрых волос и одежды, то ли от тщательно сдерживаемой ярости. Злость во мне кипит, но не рвется наружу. Идеальное состояние, чтобы не сделать лишнего шага, чего-то такого, о чем я потом буду жалеть.

Переодевшись в сухое платье, сворачиваю мокрые вещи, решив потом выстирать. Сейчас главная проблема у меня на голове.

Своей ванной комнаты у меня, разумеется, нет. Здесь вообще слово “ванная” вызывает нервный смехок. Впрочем, как и “душевая”.

В приюте есть две общие умывальные. Маленькие, каменные, с бочкой воды в каждой и крошечным окном, больше похожим на щель под потолком, чтоб уж совсем не было крошечной тьмы.

Надо бы разузнать существует ли тут баня, или для изгнанных жён драконов это слишком большая роскошь. А, может быть, совсем наоборот, – слишком плебейская затея, не достойная высокого аристократического звания.

Фыркаю, не сдержавшись. Свое аристократическое воспитание некоторые показали сейчас своей детской дурацкой выходкой, опрокинув на меня ведро с раствором Своеженицы.

Ладно. Обойдусь той роскошью, что имеется. Я выхожу в коридор. Естественно, стоит мне показаться, как все бросаются наутёк в разные стороны, как воробы с ветки. Это даже смешно. Кто-то, кому не хватает времени, поспешно отводит взгляд, и бросает редкие исподтишка.

Шёпчутся, пока я иду, но я решаю не обращать внимания, словно не слышу ничего из сказанного:

– Смотрите, идет!

– Волосы-то не обрезала. Наверняка ночью обрежет.

– Конечно! Ну не ходить же так!

Прохожу мимо, словно королева, с высоко задраным подбородком. Мысль состричь волосы у меня была, но после их уверенности, что я это сделаю, я ее выбрасываю из головы без малейших раздумий. Не дождуся!

Умывальня представляет собой крошечную комнатку с каменным полом. Бочка наполнена прохладной водой. В углу грубая скамья, на которой ютятся разного размера тазы и ковши.

Захлопываю дверь, наливаю из бочки воды в таз. Вдыхаю, наклоняюсь и погружаю голову в воду. Невольно втягиваю воздух сквозь зубы, но всё равно продолжаю полоскать волосы.

Вода мгновенно окрашивается в малиновый, следующий раз – в более бледный. Я раз за разом меняю воду, выливаю новую себе на волосы.

Через некоторое время локоны перестают отливать такой яркой малиной, но цвет никуда не девается, просто словно притих, смягчившись.

Выпрямляюсь, отжимаю волосы и подхожу к маленькому замутнённому зеркалу, прибитому к стене. Смотрю на своё отражение и неожиданно улыбаюсь. С вызовом! Та, прежняя Камелия возможно расплакалась бы. А я... я вижу в этом вызов.

– Не дождётесь! – шепчу я своему отражению, вздергивая нос и расправляя плечи, – никаких истерик, никаких ножниц!

Отжимаю ещё раз волосы, заворачиваю их в полотенце, сооружая из него конструкцию на голове, и направляюсь в свою комнату. Где тщательно сушу их снова, расчесываю до тех пор, пока локоны не ложатся на спину послушной волной.

Потом беру ленту. Золотистые пряди сплетаются с розовыми в тугую, густую косу. Пальцы сами вспоминают движения, раньше мне неизвестные. Коса получается плотной, объемной, словно нарочно выкрашенной для того, чтоб подчеркнуть красоту плетения. Розово-малиновые пряди переплетаются с золотыми, словно это дорогая салонная укладка, а не чья-то низкая месь.

– Неплохо, – заключаю я, оставшись вполне довольна увиденным.

После чего достаю из своего сундука рамку для вышивания, ткань, шкатулочку с нитями. Раз уж я леди, буду вести себя как леди. Буду вышивать, пить чай, которого, правда, сейчас нет, и смотреть поверх пальцев на весь этот цирк, что они тут устроили.

Я сажусь рядом с окном, с любовью перебирая нити и подбирая оттенки, и, определившись с выбором, начинаю вышивать. Нить ложится ровно, игла мягко проскальзывает через ткань, с каждым стежком я успокаиваюсь все больше и больше, и уже почти забываю о произошедшем, погружившись в свою работу. Это простое и одновременно сложное занятие действует на меня успокаивающе. В голове мелькают разные узоры, которые я могла бы воплотить в этом мире.

И именно в этот момент дверь распахивается без стука, являя на пороге Джозетту. Запыхавшаяся, с покрасневшимся лицом, и с лицом на котором написано предвкушение. Она явно ждёт то ли моей истерики, то ли тихих слёз и жалоб. Размахивания руками. Может быть, просьба о справедливости или моей ярости и восклицания “Вы обязаны найти виновницу!”

Она готова к роли судьи. Она уже примерила маску снисходительного благородства. Я прямо вижу, как заготовленные фразы маршируют у неё в голове: «Мы разберёмся», «Я сожалею», «Вам нужно принять» и, конечно же, “Зря вы не подружились с другими девушками”.

Но вместо этого её встречает практически идиллическая картинка. Я сижу у окна. Волосы убраны в идеальную, красивую косу. Не знаю кому как, а по мне так мои золотистые пряди переплетаются с розовыми всех оттенков, чем цепляют взгляд.

Тихое шуршание нити, выводящей узор на ткани, зажатой пальцами сейчас единственный звук, нарушающий тишину в комнате.

Я поднимаю на Джозетту глаза медленно и с достоинством как того требуют правила этикета, или, возможно, ещё медленней и с ещё большим достоинством.

– Леди Джозетта? – произношу удивленно – Чем обязана?

Она останавливается как вкопанная на пороге, будто врезалась в невидимую стену.

– Я... – начинает она взволнованно, но быстро берёт себя в руки. – Мне сообщили... Мне стало известно о неприятном инциденте в коридоре.

– Да, – кивая я, снова возвращаясь к вышивке. – На меня опрокинулось ведро воды. Ничего страшного, я уже переделалась.

– Ваши волосы, – Джозетта никак не хочет отступать, делает неопределённый взгляд рукой, – Это весьма заметно, леди Камелия.

– Растительный пигмент, – поясняю я равнодушно, делая аккуратный стежок, – он со временем смывается.

– Но ваш муж, герцог... он может неправильно истолковать... – осторожно, но с явным подтекстом подбрасывает она мне наживку.

Но я не собираюсь её заглатывать, тем более что у меня есть своя:

– Если Артур, – нарочно я называю своего пока ещё мужа по имени, не поднимая глаз от ткани, и прокладывая стежок за стежком, – решит приехать сюда лично, состояние приюта куда важнее моей причёски.

После этих слов я поднимаю глаза и сполна наслаждаюсь обескураженным выражением лица Джозетты и продолжаю:

– С моей комнатой всё в порядке. Я убралась, плесени здесь нет. А то, что она есть в гостиных и коридорах, что ж, пусть!

Глава 21

Джозетта замирает в дверях, будто врезается в невидимую стену. Её лицо, которое секунду назад сияло предвкушением моего унижения, сначала бледнеет, затем покрывается мелкими красными пятнами.

Она хочет что-то сказать. Её губы шевелятся, но звука нет. В глазах мечется ярость, смешанная с тем самым липким страхом, который я в неё вселила. Страхом перед проверкой, перед его взглядом, упавшим на гниющие стены её владений.

Моя игла с шелковистым шуршанием проходит сквозь прозрачную ткань, выводя очередной стежок. Тишина в комнате становится густой, давящей, но только на нее одну. Я дышаю и выдыхаю в такт движению руки.

— Вы проявляете удивительное легкомыслие, леди Грэйхем, — выдавливает она. — Герцог может подумать, что мы допускаем вольности. Ваш супруг может счесть такую... небрежность во внешнем виде за наше попустительство.

— Пусть думает, что хочет, — говорю я, протягивая через прозрачную ткань нить цвета грозовой тучи. — Зато он увидит правду. А правду, как известно, не скроешь под слоем краски. Или под приличной причёской.

Джозетта вздрагивает, будто я её ударила, стоит ещё несколько секунд. В её взгляде вспыхивает бессильная злоба, но она слишком труслива, чтобы высказать её прямо. Вместо этого она резко разворачивается и выходит, хлопнув дверью так, что с полки падает катушка ниток.

Только тогда я опускаю иглу и позволяю себе глубоко выдохнуть. Руки дрожат от напряжения, но я всё равно чувствую, что одержала победу в этом раунде. Я разжимаю их, разминаю, смотрю на красные следы от пальцев на подушечках, видимо я их слишком сильно сжимала.

За полдня я заполняю участок размером с ладонь. Сегодня это — крошечное озерцо в углу будущего пейзажа. Я беру три оттенка синего: ультрамарин для глубины, бирюзу для бликов и едва уловимый серебристо-серый для ряби. Смешивать их нужно прямо на ткани, делая стежки разной длины и направленности. Глаза устают, спина ноет. Когда изображение начинает расплываться, я останавливаюсь.

Колокол к ужину звучит очень вовремя, хотя мне и не хочется туда идти.

Спускаясь в столовую, я слышу это еще на лестнице: приглушенный, шипящий гул, что доносится из столовой. Как только я вхожу в просторное помещение гул стихает в одно мгновение. Леди Норвиль, восседающая во главе своего столика, замирает с ложкой на полпути ко рту. Она медленно, с преувеличенным достоинством, отводит взгляд, будто заметила на стене не меня, а особенно неприятное насекомое. Ее свита тут же синхронно повторяет этот жест. Спины у них становятся прямее, носы вздергиваются выше.

Однако меня это поведение совершенно не волнует. Радует только то, что здесь не один общий стол.

Я иду мимо, к дальнему столу у окна, где уже сидят Анита и Элис. Анита, увидев меня, молча указывает взглядом на скамью. Наш стол последний, но мне же лучше. Так больше свободного пространства, когда остальным приходится распределяться так, чтобы со мной не пересекаться. Это даже смешно.

Я ставлю свою тарелку с пресной похлебкой. В тишине, которая теперь кажется просто отсутствием ненужных слов, раздается скрип скамьи. К нашему столу, держа в руках свою порцию, осторожно подсаживается юная Сильвия. Она не говорит ни слова, просто садится и начинает есть, мелко и быстро, как птичка.

Через несколько минут подходит Марта, коренастая женщина с вечной иглой в воротнике платья. В руках у нее две глиняные кружки. Одну она ставит перед собой. Другую — с легким стуком — передо мной. Из нее поднимается густой, пряный пар, пахнувший не болотной мятой,

а чем-то лесным, смолистым и теплым. Это не общий чай. Она ничего не говорит. Просто кивает, поднося свою кружку к губам.

Я пью горячий, горьковатый чай. Его тепло разливается внутри, смывая остатки напряжения. Здесь, за этим столом, не нужны слова и это действует на меня удивительно успокаивающе.

Поздней ночью я заканчиваю вышивать грозовое небо над озером. Последняя нить, цвета темного свинца, ложится тяжелым стежком. Я втыкаю иглу в подушечку, гашу свечу. Внезапная темнота кажется неестественно густой. За окном, кажется, ни звука. Ни ветра, ни шороха. Даже болота затихли.

Глава 22

В противоположность совершенно тихой ночи утро приносит в приют суету и шум. Они сопровождают меня с того самого момента, как я просыпаюсь в своей постели.

Весь приют гудит как разворошённый улей. Вместо привычного ленивого редкого скрипа половиц и звона посуда на кухне, слышится нервный возбужденный гул, словно все разом что-то горячо обсуждают и спорят между собой.

Но самое интересное даже не в факте общих разговоров, а в том, что они неизменно смолкают, стоит мне приблизиться. Словно они меня касаются напрямую.

А ведь вчера про волосы хоть никто и не говорил мне в глаза, но все шептались, и никто не умолкал, если я шла мимо. Сейчас не так.

Только я подхожу к кому-то, так на их лицах застывает странное нечитаемое выражение, то ли страха, то ли радости. И все, как одна, боятся поднять на меня глаза.

Правда, я всё же улавливаю обрывки разговоров, когда все собираются в обеденном зале.

– ... на охоте! – доказывает кто-то свистящим шёпотом.

– Много ты знаешь! Это покушение! – кто-то возражает, и все за соседним столиком ахают. Того и гляди попадают в обморок.

– ... он бился с бизоном...

– ... упал с лошади...

Легче не становится. Шёпот и слухи лишь множатся в течение дня, достигая апогея к вечеру, когда весь приют буквально гудит. Особенно это заметно на ужине, когда все собираются в одной комнате.

Мои соседки по столу – Элис и Анита – кто мог бы пролить ясность на то, о чем все говорят, к сожалению, и сами не могут понять о чем речь, и мы можем лишь строить предположения.

А на вечернем чаепития в дверях столовой комнаты появляется леди Джозетта. До сих пор я разу не видела ее за одним столом со всеми, а сегодня она решила, видимо, сделать исключение и заглянуть на огонёк. Входит довольная и улыбающаяся, будто мир наконец-то снова встал на привычные рельсы, и уже теперь точно не свернёт.

Она замечает меня, сидящую за дальним столиком в углу, и направляется прямо ко мне. Присаживается, словно её кто-то пригласил.

– Как я рада вас видеть, дорогая леди Камелия, – она чуть ли не поёт эти слова.

Я же сухо отвечаю:

– Добрый вечер!

Тут же она меняет выражение лица, словно надоевшую маску, на другую – с выражением сочувствия и печали, – с грустью в голосе произносит:

– Вы, должно быть уже слышали новости? – и не делая паузы, сама продолжает: – Его Величество был ранен на охоте. Он доставлен во дворец, но состояние тяжёлое. Врачи опасаются худшего.

– Печально, – произношу я. – Надеюсь, он справится.

– Безусловно! – соглашается Джозетта слишком поспешно. – Но... подобные события, вам ли не знать, леди Камелия, полностью меняют расстановку сил. В такие моменты у высоких особ появляются куда более важные заботы, чем дела... давно решённые.

Она скользит взглядом по мне, потом по моей косе: бледно розово-золотой, намеренно не скрытой.

– Вы о герцоге Грейхеме? – спрашиваю я, хотя и так всё становится понятно.

– Разумеется! – она нервно дёргает головой, поражаясь моему тугодумию, – Если король не оправится, герцогу придётся быть при дворе. Государственные дела не терпят отлагательств. Так что... – она горестно разводит руками, – вероятно, визит в приют откладывается. Если не отменяется вовсе! – заключает зло.

И вонзается в меня взглядом. Ждёт разочарования или надлома, хоть тени эмоций.

– Понимаю, – отвечаю я, слегка пожав плечами, – значит, не приедет.

Джозетта оторопело моргает:

– Вы удивительно спокойны.

– Я не жила ожиданием, – говорю я равнодушно, – и не строила планов на этот визит.

Она задерживает на мне взгляд еще на секунду, словно пытаюсь найти что же я маскирую под равнодушием.

– В таком случае, – чеканит она, – Прошу не проявлять чрезмерного рвения, в данных обстоятельствах оно ни к чему.

Джозетта поднимается из-за стола, обводит всех присутствующих взглядом и торжественно объявляет:

– Дорогие мои, с уборкой покончено! Можете к ней больше не возвращаться! Наша жизнь вновь вернётся в привычное русло, ко всеобщему удовольствию.

Несколько женщин переглядываются с явным облегчением. Кто-то тихо выдыхает, кто-то победно улыбается.

– Только что получено подтверждение, – продолжает Джозетта с выражением важной особы, сообщающей государственную тайну, – Герцог Артур Грейхем в ближайшее время не приедет!

Она скользит взглядом по всем, отмечая кто как реагирует.

– Тем, кто вдруг решил, что способен изменить вековой порядок вещей, – её глаза на минуту красноречиво останавливаются на мне, – советуем поумерить пыл.

И вдруг Анита почти неразлично тихо произносит тоненьким голосом:

– Я все равно у себя помою в комнате стены.

Джозетта быстро поворачивает голову, как кошка, услышавшая писк мыши.

– Не для герцога, – еще тише добавляет Анита, – для себя.

– И я ... я у себя тоже, – соглашается с ней Элис.

Джозетта усмехается, словно услышала какую-то шутку.

– Да ради всех богов! – восклицает она, – делайте что хотите. Хоть до камня всё сотрите. – Она складывает руки на груди. – Всё равно ничего у вас не выйдет. Я заметила, что истопник последние дни топил слишком усердно.

В ее голосе сквозит раздражение и угроза, которые она даже не пытается скрыть.

– Так что с сегодняшнего дня отопление сокращено. Нужно экономить! Зима близко. Сырость всё равно вернется.

Голос громкий и уверенный разносится по всему залу, не оставляя ни у кого сомнений, что именно так всё и будет.

Все смолкают, слушая её слова, как приговор, понунив головы и опустив глаза.

Зато Джозетта чувствует себя на коне, я вижу, как ей нравится смирение и покорность женщин, как она наслаждается властью над ними и их жизнью в приюте. Упивается произведенным эффектом.

Но только недолго. Лишь только её слова стихают, в коридоре раздаются шаги, дверь обеденной комнаты распаивается настежь, впуская прохладный воздух из коридора. Он врывается в залу как волна, гася все звуки в один миг.

В проеме двери появляется мужчина. Широкоплечий и высокий, в чёрном в дорожном плаще.

Его присутствие меняет атмосферу, мгновенно делая воздух плотным и густым. Тишина становится абсолютной. Кажется, что никто не дышит даже.

Герцог Артур Грейхем входит в зал.

Глава 23

Воздух в столовой на мгновение замирает, словно его выкачали гигантским насосом. Кажется, даже пылинки застывают на месте.

Артур Грейхем, мой всё ещё муж, стоит на пороге, обводя всех присутствующих тяжёлым взглядом, словно испепеляющим лучом, заставляя каждую женщину съежиться и потупить взор.

Его глаза находят меня быстро, осматривают с головы до ног и задерживаются на странной малиновой-золотой косе.

Джозетта стоит словно статуя, замерев в той же позе, с поднятой головой и сложенными руками, только торжествующая улыбка уже сползла в тот же миг, как только герцог оказался в зале.

— В-ваша светлость! — Неестественно высоким голосом пищит смо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.